

МАКСИМ ГАУСС

18+

КАПИТАН

Максим Гаусс

Капитан. Часть 2.

Назад в СССР. Книга 14

<https://litres.ru/73761636>

SelfPub; 2026

Аннотация

Выполнение боевого задания оборвало мою жизнь. Долгая и насыщенная служба офицера спецназа, полная взлетов и падений закончена. Однако судьба распорядилась иначе и дала мне второй шанс.

СССР, весна 1988 года. Война в Афганистане закончена, Михаил Горбачев убит в госпитале. Развал Советского Союза практически предотвращен... Но это не значит, что коварный враг успокоился. Неожиданно, мне вновь предстоит заняться оперативной работой, правда, теперь совсем в других условиях!

Содержание

Глава 1. Мы из будущего	4
Глава 2. Экстренный выпуск	18
Глава 3. Это не мое поле боя	32
Глава 4. Командировка	46
Глава 5. Операция «Ы»	61
Глава 6. «Удар» и «Провокация»	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Максим Гаусс

Капитан. Часть 2.

Назад в СССР. Книга 14

Глава 1. Мы из будущего

От таких мыслей, я замер, чувствуя, как ледяная волна прокатывается по спине. Подобного я от Савельева совершенно не ожидал.

– Тихо! – прошипел лейтенант, крепко удерживая меня за запястье. Все его внимание было обращено туда, в палату.

А тем временем неизвестный человек у кровати с бесчувственным генеральным секретарем, действуя с отвратительной, выверенной уверенностью делал то, что задумал. Он ловко и быстро проткнул тонкой иглой пузырь капельницы, медленно ввел прозрачную жидкость внутрь. Затем так же спокойно, неторопливо извлек шприц обратно, обернул его в салфетку, убрал его обратно в дипломат. Закрыл, затем абсолютно бесцеремонно поправил свой галстук.

Его движения были практически лишены суеты случайного убийцы – скорее, это была выверенная работа человека, хорошо соображающего в таких тонких вопросах. Зачем ему пистолет или нож? У него другие методы, и хрен потом

докажешь, что произошло на самом деле. Время не то.

Все выглядело так, будто бы он в очередной раз выполнял рутинную, но вместе с тем важную процедуру. Он даже не взглянул на бледное лицо Михаила Сергеевича, уже повернувшись к стойке с медицинской аппаратурой – явно импортной и очень дорогой. Оттуда по-прежнему раздавался мерный писк и гудение.

Его пальцы скользнули по кнопкам, он что-то отключил. Аппарат, отслеживавший биение сердца, замер на мгновение, затем вновь замигал, но уже с другим, замедленным ритмом. Через минуту мужчина кивнул про себя, взял свое пальто и шарф, подхватил дипломат и направился к выходу.

Весь этот процесс я наблюдал, удерживая дыхание. В то, что только что произошло, было сложно поверить.

Но я думал не об убийце, куда больше меня пугал сам Савельев. Он стоял рядом, чуть позади меня. Его лицо в полумраке подсобки было абсолютно спокойным, даже удовлетворенным. Его жесткая хватка на моей руке говорила сама за себя.

Откуда эта выдержанная уверенность? Откуда эти знания? Он вел себя не как офицер КГБ, предотвращающий преступление высшего уровня, а как сторонний наблюдатель, убежденный в правильности происходящего. В его глазах, мелькнувших в отблеске света из палаты, читалось нечто большее – знание последствий. Знание, которого в 1988 году просто не могло быть ни у кого. Слишком много подозри-

тельных моментов было с его стороны! Подобная выходка не могла остаться без ответа.

– Потом поговорим! – прошипел Алексей, словно прочитав мои мысли. Впрочем, его реакция была вполне ожидаема. У нас и так отношения были нейтрально-натянутыми, а теперь обострились ещё больше. До предела.

Неизвестный уже направился к двери, но вдруг остановился и посмотрел в сторону подсобки, где мы прятались. Во взгляде, даже с такого расстояния, читалось смутное подозрение. Неужели что-то услышал?

Он медленно поставил свой дипломат на пол. Рука потянулась куда-то к груди – подозрительный и агрессивный жест.

И в этот момент Савельев резко рванулся вперед. Он решительно выбил ее плечом, вывалившись в освещенное пространство и одновременно вскидывая свой пистолет.

– Руки! – требовательно крикнул он. Его голос прозвучал неожиданно громко, нарушив больничную тишину. – Руки, чтобы я их видел!

Но убийца, не проронив ни звука, как-то неожиданно легко и ловко скользнул в сторону. Мгновенно схватил пистолет.

Пропустив несколько секунд, я рванул вслед за Савельевым, сразу же уходя влево, за большую тумбу, на которой лежала какая-то медицинская утварь. Пистолет был готов к стрельбе.

Я не видел убийцу, но точно знал, что он у выхода. Раздался выстрел. Затем, почти сразу второй. Третий. А после короткой паузы, послышался уже иной, глухой хлопок – это стрелял Савельев. Снова хлопок.

Выстрел в ответ.

Вдруг Алексей вскрикнул, отшатнулся, хватаясь за левое плечо.

Практически не думая, действуя на автомате, я решительно вскинул свой «Макаров».

Мозг, заточенный годами на мгновенные решения, выдал единственный верный вариант – остановить угрозу. Не в грудь, где мог быть бронежилет, не в голову – потому что он нужен живым. Лучше всего в плечо, руку с оружием или же ногу, чтобы не смог сбежать. Тот как раз оказался в прицеле, пытаюсь добить Савельева.

Я выжал спусковой крючок. Но в последний момент убийца вдруг дернулся, и выпущенная мной пуля вошла ему точно под кадык. Неизвестный выронил пистолет, громко захрипел, держась за окровавленное горло, неестественно отшатнулся, глухо стукнулся спиной о дверной косяк, и медленно, почти аккуратно, сполз на пол. Закашлялся. Из раны хлынула темная струя, растекаясь по белому кафелю. Опрокинутый дипломат валялся посреди комнаты. Вот она – неопровержимая улика. Внутри прямое доказательство того, что генерального секретаря хотели убить, действуя чисто, аккуратно и профессионально. Жаль только, его теперь не

допросить – откинет копыта за пару минут...

Да только и нам радоваться рано! Да, противник обезврежен, но слишком много шума получилось. Услышав стрельбу, сейчас сюда нагрянет вся здешняя охрана, а они не будут разбираться, кто прав, а кто виноват. Сразу откроют огонь на поражение, поскольку никаких посторонних тут быть в принципе не должно. Счет пошел на секунды.

– Вот хрень! – выругался я, глядя на раненого напарника. Впрочем, даже беглого взгляда хватило, чтобы понять – того лишь слегка зацепило. Жить будет, однозначно. Ну, наложат пару швов – у меня таких ранений было пару десятков. Решительно схватив Савельева за воротник, я потащил его к выходу из палаты. – Ноги в руки и валим отсюда!

Кровь сочилась сквозь его пальцы, сжимавшие рану. Капала на пол. А здесь, в палате, где все и произошло, следов оставлять никак нельзя – вычислят быстро. К обоим появятся крайне неприятные вопросы, ответить на которые будет очень непросто. Если убийца – сотрудник КГБ под прикрытием, доказать что-либо будет сложно, ведь это мы его убили. Его версию уже никто не услышит.

– Согласен! – скрипнув зубами, произнес тот. – погоди, кровь вытру!

Здоровой рукой он схватил со столика белоснежное махровое полотенце и быстро стер им с кафельной плитки несколько капель своей крови. Этого было достаточно.

Затем подобрал свой пистолет. Пару гильз.

Я тоже отыскал свою и сунул в карман.

Адреналин заглушил боль в его глазах. Мы выскочили в коридор. Откуда-то сверху, со стороны лестницы, уже доносились крики, топот бегущих людей. Мерный свет дежурного освещения нарушали красные вспышки других ламп – это говорило о том, что кто-то поднял тревогу. Уйти с закрытого объекта незаметно будет непросто.

Мы метнулись обратно, в тот же самый коридор, через который и вошли. Савельев впереди, я за ним. Перегородил за нами проход старыми каталками. Если кто и увяжется, быстро через них не пробьется. Даст нам время. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться наружу.

– Живее, живее! – негромко крикнул я.

Один коридор, второй. Подвал с коробками. Вновь запах сырости и хлорки.

Наверх по лестнице, хруст снега под ногами. Снова лай собаки.

Мы бегом, почти не замечая ничего вокруг, выскочили за бетонную ограду, прямо через калитку. Прикрыть ее я прикрыл, но о том, чтобы запирать на засов, не было и речи.

Машина Савельева была впереди, в прямой видимости. Мы намеренно оставили ее так, чтобы со стороны дороги и поста охраны она не была видна. Конечно, автомобиль – это наиболее быстрое средство унести отсюда ноги. Но если где-то здесь есть видеокамера, а они на таком объекте вполне могли быть, то уже потом, при просмотре записей, все станет

понятно. Случилось чрезвычайное происшествие, добились и без того дважды раненного генерального секретаря, а потом двое неизвестных, бегом, внезапно сели в машину и укатили. Ну, разве это не подозрительно? По машине и номерам быстро сообразят, чья она и кто водитель. А учитывая время суток, найдутся и свидетели. Так выйдут на моего напарника, а там и на меня. И хрен что кому потом докажешь.

– Стой! Нельзя к машине!

Он обернулся, его бледное лицо исказила гримаса боли и немого вопроса. Он не сразу понял, почему я его остановил, но пары секунд хватило для того, чтобы провести аналогию.

– Согласен! – кивнул тот. – Ее можно забрать и потом! Но куда?

– А ты что, пути отхода не придумал? – язвительно заметил я. – У тебя же все было схвачено!

Тот болезненно хмыкнул. Посмотрел на белое полотенце у него в руке с явными следами крови.

– Я же не думал, что нам самим придется в дикой спешке уносить оттуда ноги! Я на другой исход надеялся!

– Ага, ну тогда ясно... давай туда, в сторону моста! Там такси поймает. Что там у тебя с рукой, все плохо?

– Да ничего, жить буду. Сам себя залатаю, есть опыт! – отозвался тот.

– Интересно, откуда?

– Было время.

Я вновь удивился, но уже в меньшей степени. Сам моло-

дой, с погонями лейтенанта, а уже и повоевать успел. Интересно, где? Как я, в Афганистане?! Маловероятно, что в таком возрасте он вообще на что-то дельное способен! Сам хотя и в неплохой физической форме, но черт возьми... Ладно я, старый воин, в молодом теле. Знания и опыта выше крыши. Грамотно применяя его, я буквально прогрызаюсь вперед. Без меня у группы «Зет» результаты работы были бы куда скромнее. А у этого-то опыт откуда?

Я невольно поймал себя на мысли, что уже знаю ответ на этот вопрос. Откуда опыт? Да оттуда же, откуда и знания, что всем будет лучше, если «меченого» убрать. Тем более, шанс и впрямь был идеальным.

– В такси не сядем. Возможные следы, водитель – свидетель. Лучше уйдем дворами, туда, где потише. Остановим тебе кровь, а что делать дальше – решим! – я потянул его в сторону, в глухую тень между огромным сугробом и кирпичной стеной какого-то здания. На открытую улицу и на проезжую часть мы выбегать не стали.

Бежали небыстро, но оба все равно тяжело дышали. Морозный воздух обжигал легкие, наружу вырывался хрип и клубы пара. Отойдя на достаточное расстояние, я замедлился, а затем резко остановился. Развернулся, вскинул пистолет, направив его точно в лоб лейтенанту.

У того расширились глаза, но это длилось буквально пару секунд. Это он тоже предвидел. Уже в следующее мгновение, лицо лейтенанта приобрело свое обычное выражение.

– Кто ты, мать твою, такой?! – голос мой даже не дрогнул. Он стал низким, сиплым, как скрежет железа по льду. – Больше спрашивать не буду! И не смей врать. Я видел твои глаза, видел уверенность и стойкость, с которой ты допустил все это. Ты намеренно не стал предотвращать убийство, хотя у нас были все шансы взять убийцу до того, как он вколол ему яд. Признавайся, это и была твоя истинная цель? Откуда ты знал, что это произойдет? Почему ты не помешал, ты же офицер Комитета Государственной Безопасности?!

Савельев прикрыл глаза на секунду, собираясь с силами. Когда он открыл их, в них не было ни боли, ни страха перед дулом направленного на него оружия. В них была только какая-то обреченная усталость. Бесконечная, как у человека, несущего неподъемный груз одному ему известной правды.

– Я лейтенант Комитета... – начал он автоматом, и сам же запнулся. Эта ширма больше не работала. Здесь, в темном и холодном переулке, под далекий вой сирен «девятки», все игры в звания и должности рассыпались в прах. Особенно после того, что произошло в той медицинской палате.

– Откуда ты знаешь, что смерть Горбачева принесет всем благо? – продолжил напор я, шагнув ближе. Снег хрустел под сапогом, словно сам намеревался поскорее узнать правду. – Ты говорил это не абы как, а с такой уверенностью, будто читал учебник истории. Последние главы. Откуда?! Откуда ты знаешь про никому не известных агентов влияния, про методы, которые начнут применять только через десятилетия?

Как ты, черт возьми, не допустил аварии на ЧАЭС, а? Кто тебя научил такому поведению? Эта непоколебимая уверенность, всезнание и невозмутимость, которая меня просто бесит... Бляха-муха, откуда, я тебя спрашиваю?

Я видел, как каждое мое слово било в него, как молот. Он морщился, но не от болевых ощущений в ране. От правды, которую слышал. Он еще пытался как-то собрать маску обратно, но она не клеилась.

– Анализ... Думаешь, только один человек кроется за тем, что я... Опыт раскрытия ячейки Калугина... – пробормотал он, но это прозвучало совсем неубедительно.

– Врешь! – я яростно прошипел я, ударив кулаком по кирпичу рядом с его головой. Осколки льда посыпались ему на плечо. – Ты вел себя в палате так, как будто знал результат заранее! Твои слова – «Так для народа будет лучше». Лучше чего? Лучше какой альтернативы? Что сделает Горбачев, Алексей?! Что он сделает такого, что его смерть от руки какого-то убийцы показалась тебе благом? Он развяжет войну? Устроит голод? Откуда ты знаешь, что он своей бездарной политикой развалит СССР?

Эти слова буквально повисли в воздухе. Тяжелое, непроницаемое, государственное преступление в одном слове. «Развалит». Не «ослабит», не «подведет». Именно – развалит. Как великую страну, как союз нескольких государств.

Я позволил себе лишнее. Даже не заметил этого. А вот он не просто заметил. Он поменялся в лице. Ушла эта наглая

самоуверенность, ушло самодовольство, ушло то выражение лица, будто у него все под контролем. Даже сейчас.

И я увидел. Увидел то, чего ждал и боялся одновременно. Его маска – окончательно треснула. Глаза, эти всезнающие, холодные глаза, вдруг округлились. В них вспыхнул не испуг, а шок чистого, неподдельного узнавания. Глаза расширились, рот открылся в изумлении. Он смотрел на меня так, будто только что увидел призрака.

Он медленно, с трудом, оттолкнулся от стены, выпрямляясь во весь рост. Игнорируя боль в плече, игнорируя всё.

– Я... – его голос был шепотом, который перекрывал вой сирен. – Я ничего не говорил про развал СССР! Никогда, не говорил! Это твои слова!

Он сделал паузу, глотая ледяной воздух.

– Откуда? – теперь уже он начал задавать вопросы. И они звучали не так, как все наши предыдущие беседы. Теперь уже у него в голосе была та же самая, леденящая душу потребность в ответе, что горела и во мне. – Откуда такая формулировка? Ты сказал – развалит! Как будто ты уже знаешь...

Последние слова он произнес с непередаваемой интонацией. Не «слышал», не «предполагаешь». Именно – знаешь!

Время остановилось. Шум ночного города, движения машин с проезжей части, звуки далекой сирены – всё растворилось в невероятном напряжении между нами. Мы стояли в двух шагах друг от друга, два раненых зверя в человеческом

облике, и между нами зияла пропасть длиною...

Я опустил руку с зажатым в нем пистолетом. Что-то во мне изменилось, резко стало легче. Я понял, что Савельев не враг ни в каком смысле. Да, у него все еще оставался пистолет в кармане, но он не собирался им пользоваться! Была только тяжелая правда, нависшая над нами.

– Когда... – начал я, и голос сорвался. Я сглотнул ком в горле. – Ты не отсюда, да? Не из этого времени!

Он замер. Снежинки таяли на его ресницах, как слезы. Он медленно покачал головой, не в отрицание, а в немом изумлении перед масштабом того, что между нами происходило.

– Я из будущего... – выдохнул он, и это было похоже на признание, вырванное под пыткой.

Мир перевернулся. Кровь отхлынула от лица. Я почувствовал, как подкашиваются ноги.

– Я тоже, – прошептал я. И этого было достаточно.

– Охренеть! Еще один! – выдохнул тот, нервно рассмеявшись. – Ну прямо, попаданцы всех лет, объединяйтесь! Из какого года?

– Из две тысячи двадцать четвертого.

– А я из двадцать второго. Подполковник войск РХБЗ, погиб в Сирии. Был застрелен продажным офицером, из-за отчета об использовании боевиками ядерных отходов для производства грязной бомбы. А ты?

– Тоже в Сирии. Спас гражданских заложников ценой своей жизни. Был майором, командир группы специального на-

значения.

– Ну, тогда понятно, откуда такие навыки в афганской войне! – криво улыбнулся лейтенант. – И все эти удачные операции, что в Пакистане, что в Иране, что в той же Сирии. Да-а, такого я совершенно не ожидал.

– Я тоже. Думал, я один такой здесь.

– Нет, точно не один. Есть еще один. Капитан Петров, из МВД. Оперативник, вроде. Точную должность не помню. Это с ним мы аварию на ЧАЭС остановили. А потом еще и диверсию с использованием ЗРК С-75, которой собирались раздолбать ЗГРЛС «Дуга» предотвратили. Слышал про такую?

– Слышал... – кивнул я. – И Петрова я тоже знаю. Видел его в Припяти. Больше года назад. Вместе какого-то урода задержали. И потом я его у Черненко тоже видел. Получается, он тоже того? Переродился в нашем времени?

– Ага... Он был первым, из двадцать первого. А попал в семьдесят восьмой. Псевдоним – Курсант. Ментом был, ментом и остался. Лучший следователь в Союзе. Хотя, вряд ли ты слышал о его громких делах.

Вот же история... как ни крути, а судьба – коварная и совершенно непредсказуемая штука. Оба из будущего, один в теле старшего лейтенанта ГРУ. Другой – в теле лейтенанта КГБ. Два анахронизма. Два свидетеля того, что Союз не вечный и у его точки падения есть конкретная дата. И оба уже оставили отпечатки в истории. Вот только мое вмешатель-

ство серьезно этот процесс поменяло, повернуло чуть ли не в другую сторону. И хотя очень многое было еще неизвестно, скрыто туманом неопределенности, у меня как будто бы гора с плеч упала.

А еще до меня дошло самое страшное. Мы пришли сюда с разными целями, возможно, неосознанно. Я – чтобы изменить прошлое, спасти страну, пусть даже ценой жизни одного человека, ставшего для меня символом краха. Он... он пришел с теми же целями, но другими, более изворотливыми путями. Для чего? Да для того, чтобы убедиться – крах не состоится. Его не будет. Что Горбачев умрет, и история теперь-то уж точно не пойдет по знакомому, прогнившему руслу. Вот почему он потащил меня туда, чтобы и я увидел, и он сам убедился, что все, история будет переписана. Время еще есть.

Мы были по разные стороны баррикады времени. И теперь стояли лицом к лицу.

Где-то неподалеку затормозила машина, захлопали двери. Послышались голоса, команды. Неужели нас все еще искали? Сейчас весь район на уши перевернут! Черт возьми, нужно поскорее уносить ноги!

Глава 2. Экстренный выпуск

– Так... – выдохнул я, и голос прозвучал хрипло, будто кто-то сжал горло. Воздух между нами всё ещё был густым от невысказанного. – Сейчас лучше отойти подальше, пока мы кого-нибудь не заинтересовали!

И действительно, учитывая серьезность ситуации, количество сотрудников «Девятки» в этом районе в короткие сроки стало кратно больше, чем до того, как мы спустились в цоколь! А может, и не только их! Если нас тут случайно обнаружат – будет странно. Двое непонятных молодых людей, один ранен. Оба с оружием. Поводов для задержания предостаточно.

Савельев дернул головой, словно стряхивая оцепенение. Его пальцы впились в пропитавшееся кровью полотенце на плече, но по его взгляду стало ясно – он готов двигаться дальше.

– Дворами, – бросил он отрывисто. – До реки. Пересечем мост, попадем на Якиманскую набережную. Там разойдемся в разные стороны.

– Добро. Только не бегом, а скорым шагом. Чуть что – в тень.

Мы рванули, прижимаясь к кирпичным стенам спящих домов. Снег хрустел под подошвами, заглушая наши шаги, а сзади, со стороны дороги уже слышались голоса, звук сирен.

Скорее всего, еще и милицию привлекли. Тревога, густая и липкая, висела над тёмными переулками.

Повалил свежий снег, отчего упала видимость.

Мы бежали, не разговаривая, экономя дыхание. Нырjali в чёрные арки, перелезали через заборы, шли по замёрзшим задворкам, где пахло кошачьей мочой, сыростью и дымом. Я давно уже заметил странную тенденцию, чуть отошел от более-менее широких улиц и углубился во дворы – как сразу же накатывает чувство, что это и не Москва вовсе.

Сердце колотилось о рёбра, отдаваясь гулом в ушах. В голове, поверх усталости, периодически крутилась одна и та же мысль: «Он тоже из будущего. Но почему?»

На Якиманской набережной было пустынно. Широкую заснеженную полосу резали лишь редкие следы машин. Фонари отбрасывали длинные, дрожащие тени. Вдалеке, со стороны Болотной, всё ещё мигали синие «маячки». Да-а, там сейчас черт знает что творится. Интересно, как охрана будет все это разгребать и к какому итогу они придут?!

Савельев остановился, прислонившись к чугунной решётке. Дышал тяжело, пар клубился изо рта белым облаком.

– Всё. Дальше сам, – сказал он, глядя на меня испытующе. Снежинки таяли на его ресницах. – У меня есть знакомый врач. Работает на дому, без протоколов и лишних глаз. Зашивает и не спрашивает. И деньги любит.

– Даже так? Это что, девяностые уже наступают? – хмыкнул я, сжимая и разжимая онемевшие от холода пальцы. Мо-

роз пробирал до костей.

– Коммерция! – бросил тот, беззвучно усмехнувшись. – Такое всегда было, просто не афишировалось.

– Держим язык за зубами! Оба!

– Думаешь, я дожил до лейтенанта КГБ, не научившись молчать? Я тут, между прочим, раньше тебя оказался! – он оттолкнулся от ограды. – И ты держись, Громов. И, главное, семью береги. Теперь ветер поменяется, и не факт, что в лучшую сторону.

Конечно, со смертью Михаила Сергеевича многое в стране изменится. Еще неизвестно, кто возьмет бразды правления в свои руки. Я в политике не разбираюсь, даже и не знаю толком, кто может достойно встать у руля. Но однозначно, человек должен быть сильным, крепким и умным лидером, который не попадетсЯ на гнилые уловки коварных американцев.

– Стой! Один вопрос. А Черненко знает, кто ты?

– Конечно, нет! Иначе я бы сейчас гнил в подвалах Лубянки. Все, бывай. Я найду способ, как с тобой связаться.

Алексей затолкал полотенце в карман, затем развернулся и зашагал прочь, быстро растворившись в серой пелене падающего снега. Я несколько секунд смотрел ему вслед, пока тень не слилась с темнотой. Затем повернулся и направился к ближайшей станции метро. В кармане куртки болтался «Макаров». На спине, под свитером, холодный пот смешивался с ледяной испариной. Черт возьми, да я весь взмок!

Нужно двигать домой и поскорее!

До дома я добрался почти в десять часов вечера. В подъезде пахло какими-то мокрыми валенками. Ключ дважды застрял в замке – дрожали руки. Наконец щёлкнуло.

В прихожей горел свет. Тусклый, из кухни. Лена сидела за столом, обхватив руками кружку с остывшим чаем. На ней был мой старый свитер, волосы спадали на плечи беспорядочными прядями. Услышав шаги, она вздрогнула и подняла голову. В её глазах – не упрёк, а такой животный, немой страх, что у меня сердце ёкнуло.

– Максим... боже, где ты был? Я звонила в дежурную часть, они сказали – «убыл по служебной необходимости». Я себе уже напредставляла всяких ужасов. Ты в порядке?

– Да, со мной все нормально. С Хоревым весь вечер по делам мотались. С этой аналитикой у всех одно на уме, как бы это все быстрее закончилось, – пробормотал я и наткнулся на ее испытывающий взгляд. Она видела, чувствовала – что-то не так.

Встала, подошла близко, не решаясь обнять. Взяла мою ледяную руку в свои тёплые ладони.

– Что случилось? Я же вижу, что ты от меня что-то скрываешь.

Я несколько секунд молчал. Думал, как все объяснить. Врать не хотелось, но и правду говорить было нельзя.

– И почему у тебя пистолет в кармане?

– Лен... – мой голос сорвался. Я видел её лицо – бледное,

с тёмными кругами под глазами. Она меня ждала, хотя могла лечь спать. – Прости. Не мог позвонить. Случилось... случилось то, о чём пока нельзя говорить. Но я не могу молчать.

– Так... – решительно сказала она. – Пошли на кухню! Там все и расскажешь!

Она отвела меня в соседнюю комнату, заставила сесть. Быстро налила в кружку кипятка из постоянно кипящего на плите чайника, сунула в руки. Пальцы постепенно оттаивали, приходила в себя жгучая боль.

– Кушать будешь? – спросила она тихо, уже двигаясь к плите. – Я котлет нажарила. Вкусных.

– Я бы с радостью, от голода скоро сам урчать начну... но, не сейчас. Сядь, пожалуйста. Я должен тебе рассказать.

Я потянул её за руку, усадил рядом с собой. Пил крепкий и вкусный чай, чувствуя, как жар растекается по всему телу. А внутри по-прежнему был ледяной ком. Правду нужно было выговорить. Иначе она сойдёт с ума от самых невероятных догадок.

– Лена, – начал я, глядя прямо в её расширившиеся глаза, – то, что я скажу... если хоть одно слово уйдёт за эти стены раньше времени, то у меня будут серьезные проблемы. И у тебя, возможно, тоже.

Она молча кивнула, не моргая. Пальцы её вцепились в край стола.

– Сегодня скончался товарищ Горбачёв!

Она не ахнула. Не вскрикнула. Просто побледнела ещё больше, глаза расширились от изумления.

Губы беззвучно прошептали:

– Генеральный секретарь? Но как? Почему?

– Этого я не знаю. Все произошло в специальном закрытом госпитале, без посторонних. Наверняка объявят о болезни. Официально. Но нас все равно гоняют с проверками, чтобы исключить иные возможные версии произошедшего. Вдруг что?

Я не собирался пугать жену, поэтому сообщал ей лишь крупными верной информации, разбавляя мусором общую суть. Да и зачем ей знать то, что знаю я?! Это не пойдет на пользу никому.

– А чем он болел? Никто же ничего не знал!

– Никто и впрямь не знал, а оно вон как получилось, – я сделал очередной глоток чая. – Помнишь, я рассказывал про Калугина? Про его делишки и про то, как ему пришлось бежать? Хорев считает, что он мог иметь к этому отношение, хотя доказательств, естественно, никаких нет.

Лена медленно покачала головой. В её глазах плескалось непонимание, ужас, а где-то в глубине – горькая, пронзительная догадка.

– Но... он же генсек! Как можно было допустить подобное? А охрана?

– Когда охрана куплена, а врачи следуют приказу... когда не заботишься о собственном здоровье... случаются такие

вот вещи! – негромко перебил я. – Понимаешь теперь, почему я задержался? Вся служба на ушах стоит!

– Но почему ничего не сообщили ни по радио, ни по телевизору?

– Рано еще. Но это будет, скорее всего, уже завтра. Думаю, до полудня доведут до всей страны.

Она вдруг разрыдалась. Тихо, беззвучно, слёзы просто текли по щекам, оставляя блестящие дорожки. Я притянул её к себе, прижал голову к плечу. Она дрожала, как в лихорадке.

– Максим... я так боюсь...

– Родная, не нужно ничего бояться. Все хорошо. Просто у Союза появился шанс, что все изменится. Шанс, что вся наша огромная страна начнет развиваться другим, куда более широким курсом, что многие ошибки будут исправлены. Что наши будущие дети, – я запнулся, впервые вслух произнеся эти слова, – будут жить в сильной и уважаемой во всем мире стране!

Мы сидели так минут десять. Пока её дрожь не утихла, а слёзы не высохли.

– Для нас ничего и не изменится. Будем так же жить, работать. Радоваться тому, что мы вместе. Только пообещай мне, что пока эту новость не объявят на всю страну, ты никому ничего не скажешь! Хорошо?

– Обещаю, – она сказала это твёрдо, и в её глазах появилась та самая уверенность, которую я впервые увидел, вы-

таскивая их с места падения вертолета, там, в Афганистане. Еще в восемьдесят пятом году.

Затем она меня покормила картофельным пюре с восхитительными домашними котлетами. Допил чай. Мы немного посмотрели телевизор, а затем легли спать. Я не сразу заснул, мысли носились в голове бешеной каруселью. Но усталость и напряжение все-таки взяли свое, и я провалился в сон.

Утро ворвалось в нашу комнату резким, неумолимым звонком телефона. Я сорвался с кровати, сердце тут же ушло в пятки. Лена лишь что-то пробурчала и накрылась подушкой.

Пластиковая трубка телефонного аппарата была холодной.

– Максим, извини, что разбудил! – оттуда раздался голос майора Игнатьева. Судя по интонации, ничего хорошего он сообщать не будет. – В восемь тридцать чтобы был на службе. В десять ровно запланирован экстренный эфир. Ну и... Михаил Сергеевич скончался ночью. Не приходя в сознание. Вот и все.

Я сделал паузу, заставляя лёгкие вдохнуть воздух. Так, ну вот и подтверждение по официальным каналам.

– Как? От чего? – сухо спросил я.

– Официально – от внезапного осложнения. Ранение, мол, дало о себе знать, – В голосе Кэпа сквозил ледяной, беспощадный скепсис. – Но я тебе вот что скажу, Макс... Пациенты от пулевых не умирают тихо в стерильной палате, когда

за ними следят лучшие врачи страны. Чую, что-то там произошло. Ладно, об этом потом. Встречаемся в «Секторе», до встречи.

Он бросил трубку. Я стоял, прислушиваясь к гудкам в ухе, потом медленно положил аппарат на рычаги. Лена отодвинула подушку в сторону, высунула голову.

– Ну, что там? – зевнув, пробормотала она.

– Всё, – кивнул я. – Подтвердили. Теперь начинается самое сложное. В десять объявят по всем каналам.

Я одевался быстро, автоматически. Лена молча готовила завтрак – яичницу с сосисками, хлеб с маслом и чай. Я ел, почти не чувствуя вкуса, наскоро запивая еду горячим питьём. Потом быстро оделся, поцеловал ее и покинул квартиру.

– На всякий случай, не выходи лишний раз сегодня. Мало ли, как эту новость воспримут. Если что – звони Татьяне Игнатьевой.

– Буду ждать, – сказала она просто.

Решил ехать на метро. Нужно было время, чтобы прийти в себя, отдышаться. Утренняя станция метро «Площадь Ногина», несмотря на праздничные дни, была похожа на муравейник. Все куда-то спешили, жили своей жизнью, не подозревая, что страна за ночь осиротела.

И вдруг глаза случайно выхватили знакомый профиль. Невысокая, в сером добротном пальто, с небольшой кожаной сумкой через плечо. Так это же Ниночка. Та самая мед-

сестра, что следила за моим состоянием в госпитале, когда мы вернулись с первого боевого задания. Из Пакистана. Она стояла у колонны, листая свежую «Правду», но взгляд её был отсутствующим.

Наши глаза случайно встретились. Сначала в её взгляде мелькнуло недоумение, потом – вспышка узнавания. И что-то ещё... Что-то тёплое, давно забытое. Она неуверенно улыбнулась.

Я подошёл. Нельзя было не подойти.

– Привет вам, товарищ медсестра. С Новым годом!

– Ой, Максим, – её голос звучал тихо, почти нежно. – Здравствуй. Как ты?

Но взгляд ее уже скользнул вниз, к моей руке, машинально поправлявшей воротник. И задержался на золотом ободке на безымянном пальце. Улыбка замерла, стала натянутой, официальной. – Я слышала... ты женился. Поздравляю.

– Спасибо, – сказал я, и почувствовал странную, призрачную вину. Ведь после проведенной вместе ночи, мы так больше нормально и не поговорили. Меня выписали, а она так и осталась ухаживать за другими ранеными. – Как ты? Как работа?

– Я все-таки уехала оттуда! Теперь живу в Воронеже, а здесь... учусь на врача, скоро стану хирургом, – она отвела взгляд, снова уткнувшись в газету. Потом подняла глаза – и в них я увидел какое-то унылое одиночество. – Ты выглядишь взволнованным.

– А, просто не выспался, – соврал я. – Работы много, а я один. Даже в праздники приходится суетиться.

Между нами повисло молчание. Громкое, неловкое, наполненное всем, что могло бы быть после того госпиталя, но не случилось. То был другой мир, другая жизнь – где не было ни Лены, ни этой давящей тяжести на душе.

Подъехал поезд. Резко стало шумно, в лицо ударили потоки воздуха.

– Максим, мне, наверное, пора, – наконец сказала Нина, складывая газету. Голос её дрогнул. – Счастливо, Максим. Будь... будь счастлив.

Она быстро повернулась и затерялась в толпе. Я посмотрел ей вслед, потом вздохнул и пошёл к эскалатору.

В «Секторе» царила гробовая тишина. Не слышно было даже привычного скрипа стульев, шелеста бумаг. Люди сидели за столами, уставившись в пустоту. Лица – серые, замкнутые. Все уже знали. Воздух был густым от немого вопроса: «Что теперь будет?»

Я прошёл к своему кабинету, но не успел снять пальто, как дверь резко открылась. На пороге стоял генерал-майор Хорев. Его лицо было словно высечено из гранита, но в глазах бушевал настоящий шторм – ярость, бессилие и холодная, беспощадная решимость.

– Громов, за мной.

Мы молча прошли в его кабинет. Он захлопнул дверь с такой силой, что задрожали стёкла в книжном шкафу. Не са-

дьясь, подошёл к большому телевизору «Рубин», на нем был видеопроектор. Он включил его. На экране тихо заиграла знакомая до боли музыка из выпуска новостей. Сразу же появилась картинка.

– Это только запись, – бросил Хорев через плечо. Его спина была напряжена, как тетива. – Оригинал будет выпущен в эфир ровно в десять. Сейчас будем делать вид, что верим.

На экране появился диктор – немолодой, с идеально уложенной сединой и лицом, словно вылитым из воска. Его голос, поставленный, глубокий, звучал как погребальный колокол.

– Дорогие товарищи! Срочный выпуск! Сегодня утром, после тяжёлой, продолжительной и скрытой болезни, на пятьдесят седьмом году жизни скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Михаил Сергеевич Горбачёв...

Я слушал, стиснув зубы до боли. Лгали красиво, складно. Про редкое заболевание, про многолетнюю борьбу, про то, что время было упущено и наша советская медицина оказалась бессильна. Каждое слово было отполировано, каждое предложение – словно гвоздь в крышу официальной версии!

Хорев выключил телевизор одним резким щелчком. В тишине, наступившей после голоса диктора, звенело в ушах.

– Болезнь, – как-то отстраненно прошипел генерал, не оборачиваясь. Он стоял спиной ко мне, уставившись в чёрный экран, и его плечи слегка подрагивали. – Нет, не было

там никакой болезни. Я знаю, что его просто доби́ли, Громов! Доби́ли, как подранка, в закрытой палате! Достали и там. И теперь эти... эти пиджаки в ЦК заливают всем глаза этой сладкой патокой! Чтобы народ вздохнул, поплакал и пошёл дальше строить и копать картошку!

Ну да, его можно было понять. А ещё можно было понять народ – за последние десять лет слишком много генеральных секретарей вдруг пополнили списки ушедших в мир иной. Людям не привыкать.

Он резко повернулся. Его глаза горели таким чистым, неприкрытым гневом, что мне стало почти физически жарко.

– Это наверняка были люди Калугина, Максим. Они почували, что Горбачёв начинает выдергивать ниточки, ведущие к ним. Что он становится не тем, кем его пытались сделать ЦРУ и конкуренты. Поняли, что все меняется, и что скоро доберутся и до них. И они нанесли коварный удар первыми. А мы... мы должны были это предвидеть! Столько времени было упущено впустую.

В его голосе прозвучала не только ярость, но и горечь. Горечь старого солдата, который проиграл битву, даже не успев вступить в бой. И это его сильно пошатнуло.

– Товарищ генерал-майор... – начал я осторожно. – Разрешите мне...

– Молчи, – вдруг оборвал он. – Мы все уже обсудили раньше... и, знаешь... те, кто это сделал, теперь будут замечать

следы! А мы, если помнишь, на один из таких следов как раз и вышли...

Он махнул рукой, отпуская. Я кивнул и молча вышел.

Немного погулял по тихим коридорам. Затем вернулся в свой рабочий кабинет, вытащил служебную «вертушку». Набрал номер, от которого многое зависело. И оттуда же я мог узнать то, чего не знали другие!

– Алексей Владимирович? – произнес я, вздохнув. – Это Громов. Нам бы встретиться...

В трубке послышалось короткое, тяжёлое дыхание. Потом голос Черненко, на удивление спокойный, даже усталый:

– Я ждал твоего звонка. Через час. Столовая на Ленинском, у метро «Октябрьская». Приходи один.

– Буду, – сказал я и разорвал связь.

За окном медленно, неотвратимо падал снег. Он укрывал город, стирая следы, скрывая грязь. Мне нужно было знать, что они намерены делать дальше и чем закончилась история в госпитале...

Глава 3. Это не мое поле боя

Столовая на Ленинском проспекте оказалась не столовой, а скорее, кафе. Она встретила меня тонким, но знакомым запахом тушеного мяса, свежей выпечки и нотками сигаретного дыма. Несмотря на то, что уже настало время обеда, за рядами столиков практически никого не было. Ну еще бы – новогодние праздники пока еще не завершились, и некоторые гуляли по улицам. Во всем зале были только пару человек – видимо, те, кто не хотели сидеть дома и предпочитали бродить по морозу.

Само собой, тот факт, что на всю страну объявили о трагической и неожиданной смерти Горбачева, стал главной темой обсуждения во всех слоях советского общества. Об этом говорили буквально повсюду. Войдя в общий зал, я сразу же снял куртку, шапку и шарф, повесил их на вешалку и быстро огляделся. В дальнем углу, у окна, заставленного цветами, в строгом костюме сидел Алексей Владимирович Черненко. Перед ним – нетронутая кружка чая, а рядом лежала свернутая в трубку газета.

Я подошел, кивнул. Он ответил тем же, жестом приглашая сесть.

– Садись, Максим. Уже время обеда, а я даже и не завтракал толком. Вот, решил начать с чая, чтобы немного согреться. На улице так холодно, на термометре практически минус

пятнадцать, – произнес он, а в его глазах читалась усталая собранность. – Сам что-нибудь будешь? Здесь, кстати, очень хорошо готовят, бываю тут пару раз в неделю.

– Спасибо, не буду. А вот чаю можно.

Черненко махнул официантке, пожилой женщине в белом переднике. Та молча принесла еще одну кружку и чайник. Разлили. Запахло ароматным напитком с нотками бергамота.

– Ну что, – начал я, осторожно пробуя обжигающий чай, – вы наверняка уже в курсе всего?

Прозвучало двусмысленно, но тот понял правильно.

– В курсе, – отозвался Черненко, посмотрев на меня быстрым, но пронизательным взглядом. Его пальцы медленно вращали кружку. – Савельев все доложил рапортом. Без подробностей, но суть ясна. Тот, кто за всем этим стоял... известна фамилия – Лавров. Подполковник КГБ, один из руководителей, из технического управления. Пока еще связь между ним и Калугиным не выявили, но я думаю, следы найдутся. А по совместительству, он еще и один из дежурных офицеров на новогодние праздники. Пропуск имеется, доступ есть. Идеальный исполнитель.

– Он один был? – спросил я, хотя уже догадывался.

– Точно не один. Расследование только началось, но уже есть любопытные результаты. Их трое. Сам Лавров, его водитель – младший офицер и сотрудник отдела, который обеспечивал логистику. И еще один, в центральном аппарате. Как

связное звено. Его разговор был перехвачен сегодня утром, когда он попытался выйти на связь со своим куратором через незашифрованный канал. Само собой, в спешке. По глупости, под влиянием паники. Наделал ошибок, но не думал, что его успеют схватить.

– Куратор? Внешний? Из ЦРУ?

Черненко выдержал паузу. В его глазах была тяжелая, каменная усталость.

– Внешний, внутренний – сейчас неважно. Выйти на него не удалось. Цепочка оборвалась. Лавров мертв, водитель дает показания, а третий – в изоляторе. В этом месте можно расколоть кого угодно. Тебе лучше не знать, что там бывает. А тот, кто давал приказ... тот остался в тени. И, скорее всего, им и останется. Умные люди не лезут в такую грязь лично.

– Так все-таки, им мог быть Калугин?

– Скорее да, чем нет. Но пока доказательств нет.

Я помолчал, давая его словам осесть. За окном медленно ползли разноцветные машины. Москва продолжала жить, не подозревая, что часовой механизм в стране дал серьезный сбой. И теперь нужно было этот сбой как можно скорее исправить. И не только исправить, но и исключить возможные вмешательства со стороны США. Если бы это произошло, все развалилось бы само собой, никто и не понял бы, как так получилось.

– А что же Савельев? – подумав, спросил я. – Что с ним?

– Ранение легкое. Пуля прошла навывлет, разорвав кожу,

немного задела мышцу. Уже перевязан, отдыхает на конспиративной квартире. Некоторое время побудет в тени. И тебе, кстати, рекомендую сделать то же самое. Твоя пуля в горле Лаврова – это слишком заметный след. Конечно, с ней тоже не все так просто. Но ее никто не будет идентифицировать, сам понимаешь, почему... Хорошо, что в той суматохе никто... ну, неважно. Скоро дело объявят закрытым, ведь исполнители найдены, версия правдоподобна. Покушение было на самом деле, но генсек умер от ран, несмотря на все усилия врачей. Трагическая случайность. Про яд ни слова. Нигде. А народу сообщили про болезнь, граждане такую версию проглотят. Кстати, яд в крови уже идентифицировали. Это наша разработка.

В его голосе звучала горькая, знакомая мне по Хореву горечь. Горечь человека, который вынужден играть по грязным правилам, потому что иначе игра проиграна совсем.

– Только мне другое непонятно... – вдруг произнес он, посмотрев на меня точно таким же взглядом, как тогда, в госпитале, когда мы встретились с ним в первый раз. Тогда, когда меня пытался припугнуть Кикоть. – Как же так у вас получилось, что убийцу вы ликвидировали, но предотвратить гибель Михаила Сергеевича не смогли?

Вопрос был провокационный. Скорее всего, этот же вопрос был задан и лейтенанту Савельеву, и что тот ответил, можно было только догадываться. Черт возьми, Алексей Владимирович, может, таким образом пытаться проверить

меня, чтобы понять, по каким правилам я с ним играю. Он же не в курсе и даже допустить не может, что мы с Савельевым намеренно дали убийце возможность завершить дело, для блага будущего Советского Союза.

— Не успели. Всего несколько минут... у него в дипломате был шприц... — невозмутимо начал я, продумывая ответ буквально на ходу. — Когда мы случайно его застали прямо на выходе из палаты Горбачева, скорее всего, тот уже что-то ему вколол. Лавров выхватил пистолет, открыл хаотичный огонь. Ну а там получилось, как получилось. Савельев шел первым, первым же пулю и получил. Время было упущено, стрельба привлекла охрану, а нам нужно было срочно уносить ноги, а то и нас бы расстреляли к чертям. Они бы не стали сюсюкаться, учитывая, что мы оба с огнестрельным оружием, на закрытом объекте, где посторонних вообще быть не должно. И на полу, в палате уже лежал смертельно раненный дежурный офицер... Вы бы как поступили?

Черненко медленно, но удовлетворенно закивал головой, а черты его лица заметно расслабились. Кажется, я попал в рамки допустимого. Неужели Савельев сказал примерно то же самое?

— Да, наверное, сделал бы так же.

— И что дальше? — спросил я прямо. — Я имею в виду, руководство. Куда же качнется маятник? Кто сядет в пустое кресло?

Черненко вновь отпил чаю, поморщился. Но ответил не

сразу.

– К подобному никто не был готов, Максим. Процедура долгая и сложная, будут споры, борьба фракций. Это займет не одну неделю, а то и месяцы. Центральный Комитет уже на ушах стоит, ну можно себе представить... Исполнение обязанностей, после предварительных обсуждений, скорее всего, будет возложено на Егора Кузьмича Лигачева. Но это, само собой, временно. Ему не хватает веса, жесткости. Слишком партийный аппаратчик, слишком старомодный, на мой взгляд.

– А кто же тогда? – мягко настаивал я. – Кому такая высокая должность может быть под силу? Кому из оппонентов нужен был мертвый Горбачев?

Черненко посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом. Казалось, он решал, сколько правды можно вывалить на стол перед старшим лейтенантом ГРУ. Возможно, я чуть перегнул палку, но это можно было объяснить наивностью и любопытством в силу молодого возраста.

– Неофициально, от меня ты ничего не слышал. Вообще. Я бы вообще предпочел о таком не говорить. Но, между нами, учитывая, что самое страшное ты уже видел... Ладно! Горбачев был удобен многим, – наконец сказал он очень тихо, наклоняясь вперед. – Гибкий, податливый, готовый к диалогу. Для одних – надежда на перемены. Для других – идеальный инструмент. Но навязанные ему последние решения, разворот от Запада, ужесточение внутренней политики по-

сле истории с Калугиным... это многим не понравилось. И тем, кто хотел продолжить тихое сближение, и тем, кто боялся потерять контроль над осмелевшим генсеком. Убрать его решили те, кто увидел в нем угрозу своим планам. Вкупе с местью Калугина. Кто? Не знаю! Но лично мне ясно одно... Стране теперь нужен не демократ и не переговорщик. Нужен твердый, консервативный лидер. Человек, который силой зажмет все гайки, наведет порядок в верхах и поведет Союз своим курсом – без оглядки на Вашингтон и Европу.

– И такой человек есть? – спросил я, уже догадываясь, кого он имеет в виду.

– Есть, – коротко кивнул Черненко. – Чебриков. Председатель КГБ. Человек системы, железной руки. Он не позволит ЦРУ и другим раскачивать лодку. И у него достаточно авторитета и ресурсов, чтобы взять управление в кризисный момент. Силой страну можно и нужно держать в колее!

Сказано грубо, будто топором обрубили. Но, может быть, в этом был смысл.

– А что насчет Романова? Григория Васильевича? – осторожно спросил я, вспомнив одного из возможных преемников из Политбюро. Ведь до 1985 года, между ними шла борьба.

Черненко отмахнулся, и в его жесте впервые прозвучало легкое раздражение.

– Романов... Громов, тебе не стоит совать нос в эту область. Ты боевой офицер, герой войны. Аналитик. Твоя за-

дача – выполнять приказы и мыслить в рамках своей компетенции. Политика – грязная кухня, и молодым офицерам там не место. Запомни это. Это совет от того, кто понимает, какие возможны последствия. Зря я вообще позволил продолжать этот разговор. Савельев меня спрашивал о том же, но разговор быстро закончился.

Я согласно кивнул, не возражая. Спорить и копать глубже было опасно. Между нами повисло долгое, тягучее молчание. Мы допивали уже остывающий чай, каждый в своих мыслях.

– А Савельев... – снова начал я, не в силах отпустить главный вопрос. – Кто он такой? Что за должность? Откуда у лейтенанта такая... уверенность?

Черненко раздраженно вздохнул, отодвинул кружку.

– Его должность... неоднозначна. Ты, Громов, тоже перешагнул черту, тесно работая с генерал-майором Хоревым, но это в порядке вещей. Он работает под моим контролем, по особой линии, часто в отрыве от основных отделов. Иногда кажется, что у него свои источники, а еще нюх на проблемы. Но вместе с этим, он эффективен. И он видит то, чего другие не замечают. Именно он предложил привлечь тебя к наблюдению за госпиталем. Сказал, что у тебя поразительная удача, что ты тоже можешь видеть нестыковки. И он не ошибся. Я и сам это заметил. А такие люди всегда хорошо идут вперед, именно потому мы с тобой и разговариваем.

Он посмотрел на часы, затем резко поднялся.

– Так, Максим... Мне пора. Расследование уже идет, предстоит большая бумажная работа. Громов, мой тебе совет, делай свою работу, забудь то, что вы там видели. Это не твое поле боя. И о Савельеве пока забудь – он выйдет на связь, когда будет нужно. И... береги себя, береги семью. Теперь ветер дует с другой стороны, и неизвестно, куда он нас всех занесет. Люди нужного уровня возьмут все в свои руки. СССР – страна, которую ждет большое будущее. Просто нужен сильный лидер.

Я кивнул. Ответ был не очень.

Мы молча пожали друг другу руки. Он поднялся, накинул пальто, расплатился и вышел из кафе, не оглядываясь. Я остался сидеть, глядя на его нетронутую газету. На первой полосе, под портретом улыбающегося Горбачева, еще не было некролога. Пока не напечатали. И хотя страна уже прощалась с одним генсеком, пока еще не знала, что уже начиналась работа по подготовке нового.

Прошел месяц. Январь канул в прошлое.

На улицах лежал плотный, слежавшийся снег, мороз крепчал с каждым днем. В стране царило странное, выжидательное затишье. Официальный траур сменился рутинной жизнью: по телевизору говорили о планах, успехах и светлом будущем, временно исполняющий обязанности Лигачев читал с трибун длинные, скучные речи. Но в воздухе, особенно в

наших кругах, висело плотное, нерассеивающееся напряжение. Все ждали решения Пленума, ждали, кто же наконец займет опустевший кабинет в Кремле?

Я приходил домой поздно, изредка ночевал на раскладушке в «Секторе». Лена никак не могла привыкнуть к этому, я видел, как она волнуется, как прислушивается к каждому звонку. Но постепенно тревога ушла. Наши вечера стали тихими, романтическими, просто сидя рядом, слушая музыку или глядя на фильмы из телевизора.

Она строила планы – о курсах, о возможном переезде, о том, чтобы найти квартиру побольше. Я слушал, кивал, соглашался. Мысли о политике пришлось откинуть – как я уже не раз заявлял, в политике я не разбираюсь, да и вряд ли на что-то мог бы повлиять в таких условиях. Мной уже и так оказано достаточное влияние на ход истории, много чего произошло, что прямо повлияло на происходящее вокруг. А как все начиналось, с нелепого задержания двух душманов на военном складе...

И вот, в один из холодных февральских вечеров, я вернулся раньше обычного.

В квартире приятно пахло домашним, вкусным – Лена пекла пирог с яблоками. Я скинул ботинки, прошел в комнату. Она стояла у плиты, спиной ко мне, в моем старом свитере, который был ей велик, и от этого она казалась такой хрупкой, такой незащитной. Хотя я знал, что при всей своей скромности, эта девушка вполне может за себя постоять.

При необходимости, и автомат в руки возьмет, и глаза выцарапает. И рот заткнет, если нужно.

– Привет, солнце мое, – сказал я, подходя и обнимая ее сзади, прижимаясь щекой к ее волосам. Они тоже пахли яблоками, чем-то приятным, нежным.

– Привет, – она обернулась, улыбнулась, но в ее улыбке было что-то неуловимо нервное, трепетное. – Как прошел день?

– Как всегда. Цифры, карты, предположения. Аналитика. Скучно, даже рассказать нечего. Скорее хотелось попасть домой. Знаешь, что, а давай сегодня выпьем вина? Устроим немного романтики.

– Ой, интересное предложение... – улыбнулась она, но как-то неуверенно. Ее что-то беспокоило.

Я сел за стол, она налила мне чаю, поставила тарелку с кусочком еще горячего пирога. Но сама почему-то не садилась. Ходила по кухне, то поправляла занавеску, то переставляла кружки. Я почувствовал, как внутри что-то натягивается, как струна.

– Лен, что-то случилось? – спросил я, откладывая вилку. Она остановилась посреди комнаты, повернулась ко мне. Ее лицо было слегка бледным, а в глазах – целая буря: страх, надежда, ожидание и неуверенность, и еще какая-то первобытная нежность.

– Максим... – ее голос сорвался на шепот. Она сделала шаг ко мне, потом еще один. – У меня... у нас... есть но-

вость.

Я встал. Сердце почему-то замерло, а потом застучало с такой силой, что стало трудно дышать.

– Какая новость? – спросил я, и сам услышал, как голос стал чужим, напряженным.

Она не ответила. Вместо этого она взяла мою руку в свою маленькую, теплую ладонь, и медленно, очень медленно приложила ее к своему животу. Сквозь толстую шерсть свитера я ничего не почувствовал. Но вместе с тем, быстрая, словно молния, догадка промелькнула в сознании.

– Я беременна, – наконец прошептала она. Слова повисли в воздухе, хрупкие и невероятные, как первый звоночек нового мира. – Я сегодня была у врача в поликлинике. Все подтвердилось. Срок еще маленький... у нас будет ребенок, Максим.

Мир перевернулся. Звуки кухни – тиканье часов, шипение чайника, скрип деревянного пола под ногами – все ушло куда-то вдаль, растворилось в гуле крови в ушах. Я смотрел на ее лицо, на ее огромные, блестящие глаза, и не мог вымолвить ни слова.

Я стоял, все еще держа ладонь на ее животе. А потом что-то внутри, какая-то ледяная скорлупа, которая копилась неделями, месяцами, а может, и годами, с самой моей прошлой, одинокой жизни в будущем – треснула и рассыпалась в прах. Из груди вырвался странный, сдавленный звук – не то вздох, не то рыдание. Я обхватил ее, прижал к себе, зарылся

лицом в ее шею, в пахучие волосы.

– Лена... родная... – я не мог собрать мысли в слова. В голове метались обрывки: «ребенок», «будущее», «семья». – Ты уверена? Все хорошо? Ты себя чувствуешь нормально?

– Да, да, все прекрасно, – она смеялась сквозь слезы, ее плечи вздрагивали у меня под руками. – Только утром немного тошнило, а так все хорошо. Я даже сама не сразу поверила. Вот папа обрадуется, давно уже про то, что ему нужен внук намекает.

Ну да, Лось ждет не дождется.

Я отстранился, чтобы посмотреть на нее. И впервые за многие недели, а может, и месяцы, я почувствовал не тревогу за то, что там в стране или на поле боя происходит, не тяжесть, а чистую радость. Такую простую, человеческую.

– Это... это самое лучшее, что могло случиться, – выдохнул я, стирая пальцем слезу с ее щеки. – Ты понимаешь? После всей этой чертовщины, после ночей в разъездах, после страхов и этой вечной секретности... у нас теперь будет ребенок, настоящая семья. Теперь все будет по-другому.

Она кивнула, прижалась ко мне снова.

– Не знаю почему, но я боялась тебе об этом сказать. Ты последнее время такой закрытый, такой далекий. Я думала, что эта новость не вовремя, что ты...

– Ну, ты сказала... – прошептал я, целуя ее в макушку, в лоб, в мокрые ресницы. – Это как раз самая лучшая новость, какая только могла быть. Чтобы было ради чего все это... ра-

ди чего стараться, выживать, менять что-то. Ради него. Или нее.

Мы стояли так, обнявшись, посреди нашей маленькой, теплой кухни, за окном которой медленно сгущались февральские сумерки. За стенами была огромная, холодная, беспокойная страна, где шла тихая война за власть, где за кулисами готовились новые удары и новые предательства. Но здесь, в этом клочке пространства, пахнущем пирогом и ее духами, вновь на первый план вышел иной, мир. Хрупкий, беззащитный, но бесконечно важный.

Я знал, что теперь все изменится. Что каждая моя операция, каждый анализ, каждый рискованный шаг будут взвешиваться на новых весах. На весах жизни этого маленького, еще не рожденного человека. Волнения и переживания за него были острыми и холодными. Но вместе с ними пришла и новая, яростная решимость. Решимость сделать все, чтобы новый мир не развалился на глазах, как это случилось в моем прошлом. Чтобы он родился в сильной стране, в мире, где у его отца есть имя.

– Все будет хорошо, – сказал я ей и говорил это себе. – Я обещаю. Все будет хорошо.

Глава 4. Командировка

Прошло два месяца.

Время теперь текло иначе. Теперь у меня был сильный стимул совсем иного формата – я старался как можно меньше времени проводить на работе, и как можно больше времени дома, с любимой женой. Выдавалось время – сразу домой, узнать как там она. Чуть что – звонок, я волновался. Вдруг что?

Лена относилась к беременности трепетно и ответственно, ну а я старательно и во всем ее поддерживал. К врачу, так к врачу. Нужны были дефицитные витамины – поднимал старые знакомства. Через лейтенанта Дамирова мне доставили самые лучшие, прямо из Италии.

По ярким рекламам из будущего я помнил, что беременным нужен магний в комплексе с В6 ну и, естественно, врачу заявил этот факт, чем ее и удивил. Нет, в компетенции советских врачей я нисколько не сомневался, просто такая информация для 1988 года, весьма специфическая. Это не секретная информация, но ею обладали далеко не все специалисты. В общем, все у нас шло хорошо, и мы постепенно готовились стать родителями.

А тем временем в верхах завершилась невидимая и тихая, но при этом яростная борьба. Пленум ЦК, пройдя через несколько недель дебатов и закулисных договоренностей,

все-таки принял беспрецедентное решение, которое было совершенно нехарактерно для Советского Союза. Впрочем, новые времена требовали новых мер.

В связи с обострением отношений с Западом, накопленными внутренними проблемами и необходимостью жесткого, но сбалансированного курса, руководство страной было разделено. Силовой блок – КГБ, армия, спецслужбы – отошел под безраздельный контроль Виктора Михайловича Чебрикова. Политику, идеологию, экономику и международную дипломатию, неожиданно возглавил давний конкурент предыдущего генерального секретаря ЦК СССР – Григорий Васильевич Романов. Два разных полюса, две фигуры, казалось бы, между собой несовместимые: железный чекист и партийный аппаратчик старой закалки. Но именно этот тандем, этот непривычный для Союза тандем, начал давать первые, ощутимые результаты.

За март и апрель по стране прокатилась волна точечных, но жестких реформ. Под руководством Чебрикова началась масштабная чистка в силовых структурах – не показная, а глубокая, с проверкой связей и финансовых потоков. Многие офицеры КГБ и МВД, начальники разных уровней, запятнавшие себя связями с Калугиным и другими разоблаченными предателями Родины, а также откровенной халатностью, были отстранены, арестованы или переведены на периферию. Разумеется, это было только начало.

Курс Чебрикова был представлен советскому обществу,

как лозунг, понятный каждому чекисту и генералу: «Стабильность через силу». Постепенно началась не показная, а настоящая, глубокая чистка аппарата, которая была словно глоток свежего воздуха. Страх сменил свою природу – из тупого ужаса перед репрессиями он медленно превращался в трепет перед безошибочной машиной, которая выявляла слабое звено и без шума заменяла или устраняла его. Были восстановлены и усилены многие инструменты контроля, дремавшие еще со времён Берии.

Параллельно Романов, используя весь аппарат ЦК, по рекомендации таких руководителей как генерал-майор Хорев, запустил программу «технологического суверенитета». Суть была проста: остановить утечку мозгов и технологий на Запад, создав внутри страны новые хорошие условия для ученых и инженеров. Были резко увеличены финансирование перспективных НИИ, введены особые жилищные и материальные льготы для специалистов, ужесточен пограничный и таможенный контроль за вывозом документации. Западные санкции, введенные после разрыва диалога с США, были использованы как повод для мобилизации внутренних ресурсов. Пропаганда работала на полную мощь: в газетах и по телевидению говорили не о «разрядке», а о «новой индустриализации», о необходимости сплочения перед внешней угрозой.

Удивительно, но этот странный тандем – чекистский кулак и партийный интеллект – почти сразу начал давать зри-

мые результаты. Беспорядок и неразбериха последних месяцев, а то и лет, стали понемногу отступать, сменяясь жёсткой, почти казарменной упорядоченностью. Страна замирала, прислушиваясь к новому ритму. Само собой, это было понятно не каждому, было много недовольных – работы предстояло ошеломительно много. Однако видя все это, читая новости, наблюдая за всем со стороны, я уже понимал главное – развал Союза остановлен. Быть может, не остановлен полностью, а отсрочен на неопределенный срок.

Америка снова обломала зубы – расшатать стабильность своего самого крупного конкурента не удалось!

В нашем «Секторе» эта перемена тоже начала ощущаться. Наши аналитические сводки теперь уходили в два разных кабинета – в тот, что в наше время именуется Лубянкой и в Центральный Комитет. И если раньше мы искали неясные стратегические риски, которые в основном уже произошли, то теперь нам ставили задачу куда конкретнее – искать дыры в новом «щите».

Проблема утечки научных кадров уже не стояла так остро, однако крупные магистральные каналы, что вели к ЦРУ и западным корпорациям, еще не были взяты под контроль. По моим предположениям, было еще некоторое ощущение, что противник затаился, «придавленный» новым курсом, и просто ждёт, пока первая волна жесткости схлынет.

Все негативное я оставлял на работе, а едва открывал дверь нашей квартиры, включался новый, другой я. Груз

работы, нервотрепка и напряжение оставались за дверью. Оставались только мы с Леной, тепло, уют и спокойствие.

Один из таких вечеров, когда усталость от бумажной работы особенно давила на плечи, я пришёл домой раньше обычного. Лена, слегка поправившаяся за последние недели, возилась на кухне. Я молча обнял её сзади, прижавшись щекой к её волосам, и просто стоял так, заряжаясь от нее домашней атмосферой.

После ужина мы устроились на новом, широком диване. Она лежала, укрывшись теплым пледом, а я устроился рядом, осторожно положив руку на её живот. Через халат почти ничего не чувствовалось, но осознание о том, кто там, внутри, переворачивало всё с ног на голову.

– Знаешь, я всё думаю, – начал я тихо, глядя в потолок, где плясали тени от торшера.

– О чём? – она повернула голову. Её глаза в полумраке казались мне огромными и тёмными.

– Как мы назовём нашего сына? Или дочь.

Лена слегка отстранилась, посмотрев на меня с немым вопросом.

– Максим, ну что ты. Это же так рано. Ещё и трёх месяцев нет. Вот как родится – тогда и решим. Все так делают. В её голосе не было досады, лишь лёгкое недоумение. Загадывать так далеко вперёд, строить планы вокруг того, чего ещё нет в зримом мире, казалось ей чем-то сродни суеверию.

Но я-то «прибыл» из времени, где УЗИ уже на половине

срока безошибочно показывало пол ребёнка, а имя выбирали задолго до родов. И хотя сам я семейной жизнью в своей прошлой жизни почти не жил, хотя и не разбирался в моде, в медицинских технологиях и прочих подробностях, все равно что-то да «прилипло». Наверное, для меня это была не прихоть, а просто часть подготовки к будущему чуду.

– А почему, собственно, и нет? – я приподнялся на локте, ловя её взгляд. – Это же не сглазишь. Это наоборот... как заявка на будущее. Мы же готовимся. Комнату будем обу-
страивать, кроватку искать. И кстати, с появлением ребенка, нам положены дополнительные квадраты жилой площади. А почему имя должно быть в последнюю очередь? Почему не заранее? Ну да, необычно... но нам же никто не запрещает.

Она помолчала, её пальцы бессознательно теребили край пледа. Я видел, как в её глазах борются привычный скепсис и зарождающаяся жажда этого нового, совместного ритуала.

– Не принято как-то... – наконец пробормотала она, но уже без прежней уверенности. – В роддоме спросят, сразу и запишут.

– Вот именно. А мы хотим, чтобы там записали то, что мы выбрали сами. Не в спешке, наскоро принятое. Вдумчи-
во. Не под давлением уставшей акушерки, которой нужно бе-
жать к другой пациентке. Спокойно. С любовью.

Её сопротивление растаяло, сменившись робкой, счастливой улыбкой.

– Ну... ладно. Но если девочка – я выбираю.

– Честно, – кивнул я, чувствуя, как на душе теплеет. – Тогда поехали. Есть мысли?

Разговор пошёл тихий, домашний, перебиваемый иногда смехом. Она предлагала «Анну», «Ольгу», «Татьяну» – классические, крепкие имена. Мне же, помня о будущем, которое я любыми силами хотел сделать для этого ребёнка иным, хотелось чего-то светлого, но с характером. Вспомнилось имя из давно забытых снов прошлой жизни – «Марьяна». Оно прозвучало в нашей гостиной свежо и нежно.

– Марьяна... – протянула Лена, пробуя имя. – Марьяна Максимовна... Да, красиво. Звучно. А если... вдруг мальчик?

Тут мы оба задумались. Имена этого времени, вроде Алексея или Сергея не нравились ни мне, ни ей. И тут она сама, словно поймав мою смутную мысль, произнесла шёпотом, глядя куда-то поверх моего плеча:

– Дмитрий. Защитник.

Словно холодная и тёплая струи столкнулись у меня внутри. Дмитрий. В моей старой жизни это имя было связано с чем-то важным, но я почему-то не помнил, с чем именно. Давно заметил, что некоторые, совершенно неважные моменты, как-то растворились в памяти. А здесь, в тепле нашего дома, в её устах, оно звучало как обетование силы и безопасности.

– Дмитрий, – согласился я, и голос мой слегка дрогнул. – Да. Пусть будет Дмитрий.

Мы замолчали, и в тишине комнаты каждый представлял, каким оно будет. И если для Лены все это было в новинку, то я уже проходил через подобное. Но на этот раз, все будет по-другому.

К сожалению, стены дома не могли защищать от реальности вечно. А так, как я человек системы, причем не где-то на задворках Советского Союза, а непосредственно здесь, в столице, да еще и с солидным опытом, должен был подчиняться. Примерно через неделю, в понедельник, одиннадцатого апреля, когда в «Секторе» царила особенно унылая атмосфера вымученных отчётов, меня вызвал к себе генерал-майор Хорев. В последнее время мы мало контактировали – уже совсем не так, как в новогодние праздники, когда решалась судьба Советского Союза.

Его кабинет был погружён в полумрак, несмотря на утро. Генерал сидел не за своим рабочим столом, а в кресле у окна, спиной к серому свету, и лицо его было скрыто в тени. В руке кружка с чаем.

– Закрой дверь, Громов, – его голос был хриплым, будто он не спал несколько суток. – Я заметил странное совпадение, ты посещаешь мой кабинет, когда что-то происходит. Садись в кресло, предстоит непростой разговор.

Лёд пробежал по спине. Я повернул ключ, щёлкнув замком с непривычно громким звуком в гробовой тишине кабинета, и сел.

– Ко мне тут спустили интересную информацию. И хотя,

мы уже давно занимаемся совсем другими делами, все равно, это интересно. В том числе и для тебя.

Я медленно кивнул, пытаюсь понять, в каком ключе пойдет разговор – в хорошем, или в плохом.

– Наши друзья, – продолжил Хорев, имея в виду внешнюю разведку КГБ, – наконец-то получили чёткий сигнал. Не намёк, не слух. А более-менее четкое понимание того, где находится бывший генерал КГБ, Калугин. К моему изумлению, он не в Штатах, не в Англии. Он засел в Португалии. В маленьком приморском городке, под видом отставного канадского бизнесмена. Чистый воздух, море, виноградники. Идеальное место, чтобы продолжать сливать значимую информацию и дистанционно отдавать приказы тем, кто еще остался из его подчинения, по-прежнему находясь в тени.

Он сделал пару глотков чая из кружки. Его сосредоточенное от напряженной службы лицо, взгляд, манера поведения – все символизировало какую-то решимость.

– Товарищ Чебриков лично поставил задачу Главному Разведывательному Управлению – продумать операцию от а до я. Калугин должен быть нейтрализован. Он угроза, которую давно уже нужно было ликвидировать раз и навсегда. Но тогда, при том руководстве, время было упущено. А январские события этого года еще больше отсрочили решение проблемы. Повторю, он должен быть нейтрализован. Не арестован – это невозможно. Не дискредитирован – у него нет публичной репутации. Его не выдадут власти Португалии,

поскольку он является гражданином страны. Именно устроен. Тихим, чистым методом. Без следов, без шума, без политического эха. Запад не должен получить ни одного козыря для пропаганды.

Я сидел, не двигаясь, чувствуя, как тяжёлая, свинцовая волна накатывает изнутри. Это прозвучало не как информирование, это было другое. Профессиональное. И озвучивал его человек, который знал, кому это говорит. И говорит не просто так.

– В общем, ты уже, наверное, догадался, к чему я веду, да? – он посмотрел на меня быстрым, но внимательным взглядом. – Повторюсь, операцию поручили ГРУ. Не резидентуре в Лиссабоне. Не агентам КГБ. Нам. Группа уже формируется. Командир группы, два оперативника, специалист по «технике» и связист. Он же переводчик. – Хорев оторвал взгляд от окна и снова уставился прямо на меня. Этот взгляд был мне знаком. – Нужен аналитик. Тот, кто знает всё дело Калугина изнутри, кто может на месте оценить обстановку, помогать в координации, просчитать пути отхода, спрогнозировать все варианты развития событий. Тот, кто умеет импровизировать на ходу, видеть картину целиком, а не дистанционно, через четверть мира.

В ушах зазвенело. Я понимал каждое слово, понимал, к чему он клонит. Но участвовать во всем этом не хотел. Категорически. Да, кабинетная работа только вначале показалась мне интересной, но очень быстро надоела своей монотонно-

стью, рутиной – одно и то же каждый день. Нам, правда, новые компьютеры должны были установить, так сказать, для облегчения процесса. Это совсем не по горам Афганистана бегать, не стрелять по душманам из всего, что может стрелять. Не думать, откуда прилетит. И хотя, наверное, где-то в глубине души я по всему этому скучал, но твердо решил, что с прошлым покончено. То тяжелое ранение, что я получил летом восемьдесят седьмого года, было предупреждением, причем самым серьезным из всех. Теперь, когда впереди была перспектива расширения семьи, так рисковать я не собирался.

– Товарищ генерал-майор, давайте уже к самой сути! – негромко произнес я, уже зная, каким будет ответ.

– Мне нужен ты, Громов. Не как оперативник, не думай. Я помню обо всем, что мы с тобой обсуждали. Помню, уважаю твой выбор. Но и ты меня пойми, мне приказали отдать лучшего! Того, кому я доверяю, как себе. А зная, на что ты способен, зная твой уникальный талант импровизировать в быстро меняющейся обстановке... У меня просто нет выбора, никого другого я даже выделить не могу. Здесь успех операции чрезвычайно важен! Да ты не переживай, тебе нужно только анализировать, выдавать решение, с которым будут считаться. Грубо говоря, едешь, как мои глаза и уши. Как живой компьютер, который будет работать в реальном времени. Ты поедешь с группой в Португалию под легендой сотрудника торгового представительства. Не секрет,

что Железный Занавес трещит по швам. Твоя задача – анализ, оценка, коррекция плана на месте. Никакого оружия, никаких активных действий. Только голова. Ничего лучше я предложить не могу, отказа не приму! Я могу просто отдать приказ, но это будет некрасиво, учитывая, сколько я тебя знаю, и сколько всего ты уже сделал ранее. Пойми, здесь уже все решено. Я хотел сообщить об этом лично, не через Игнатьева или кого-то другого.

– Твою же... – тихо процедил я сквозь зубы, глядя в окно.

Воздух в кабинете стал густым, тяжелым. Я попытался сделать вдох, но грудную клетку будто зажало тисками. Прошло около минуты.

– Товарищ генерал-майор... – начал я, и собственный голос показался мне доносящимся издалека. – У меня... у меня ведь семья. После того, что было при устранении генерала Хасана... Лена... она одна. Беременная. Срок ещё маленький, но...

– Я знаю, – резко, почти жёстко перебил он. – И именно поэтому ты идеально подходишь. Тебе есть ради чего вернуться. Железный стимул. А значит, ты будешь думать на три шага вперёд, ты не полезешь в герои, ты не допустишь глупой бравады. Ты будешь беречь себя, как зеницу ока, потому что знаешь, что тебя ждёт здесь. Это не слабость, Громов. Это лучшая страховка для успеха операции.

В его словах была своя, чудовищная логика. Жесткий расчёт.

А внутри всё буквально кричало от протеста. Оставить Лену одну, сейчас, в этот самый непростой момент, когда новый мир только начинал обретать черты, а старый грозился влезть самым непредсказуемым образом.

– А если я все же откажусь? – спросил я тихо, уже зная ответ.

Хорев медленно, с трудом поднялся с кресла. Он подошёл к столу, поставил пустую кружку на стол.

– Ты не откажешься. Не получится. Потому что, если Калугин жив, он не остановится. Сначала Горбачев. Кто следующий? Где гарантия, что он не вспомнит про тебя снова? Помнишь, что было в мае восемьдесят седьмого года?

Разумеется, я помнил.

– Он знает слишком много о наших людях, о схемах, о слабых местах. Он все еще бомба замедленного действия под всем, что мы пытаемся построить. Под будущим твоей семьи тоже, – Хорев вновь повернулся ко мне. – Последний враг. Ты поедешь, Громов! Не только потому, что это приказ на бумаге, это моя просьба. А еще потому, что это твое будущее. Спокойное. Без Калугиных.

Он выдвинул нижний ящик стола и достал оттуда плоский, обыкновенный на вид конверт из плотной бумаги.

– Это твои документы. Вылет через неделю. Пройдешь быстрый курс, освежишь навыки. Всё остальное – инструктаж, связь, детали легенды и прочее – после работы. Твоя жена будет знать, что ты уезжаешь в краткосрочную коман-

дировку в ГДР, по линии межведомственного обмена опытом. Не больше чем на две недели.

– Она не поймет...

– А ты убеди в обратном! – голос его стал тверже. – Максим, помни, кто ты!

Я вздохнул, взял конверт. Он был невесомым и одновременно невероятно тяжёлым.

– А если... что-то пойдёт не так? – спросил я, уже не зная, о чём именно спрашиваю: о планируемой операции, о себе, или о том, как я посмотрю в глаза Лене, зная неприятную правду.

Хорев снова сел в кресло, повернувшись к окну, скрывая лицо.

– Тогда, Громов, постарайся, чтобы «не так» случилось не с тобой! Группа получила негласное указание, любой ценой вернуть нашего специалиста живым. Хороший аналитик – на вес золота. Ну так что?

– Я согласен. Все равно выбора нет.

– Вот и хорошо, что ты меня понял. Все будет хорошо. Если ко мне вопросов нет, то можешь идти. На службе не задерживаю.

Я кивнул, вышел, зажав в руке конверт. В коридоре было светло и пусто. Шаги отдавались эхом.

Я шёл к своему кабинету, а в голове, поверх протеста и тяжкого осознания, уже начинала работать холодная, аналитическая часть моего сознания. Португалия. Приморский

городок. Калугин. Группа ликвидации. Нужно было изучать карты, климат, распорядок, возможные маршруты. Целая тьма деталей. Нужно было готовиться.

Но прежде всего нужно было вернуться домой, обнять Лену, почувствовать под ладонью тёплый живот, где медленно рос новый человечек и соврать ей. Бляха-муха, опять меня система гнет туда, куда ей нужно...

Глава 5. Операция «Ы»

До дома я добрался относительно быстро – благо в это время суток вагоны московского метро были полупустыми.

Хорошо, что генерал-майор Хорев отпустил меня раньше, на сегодня работы у меня не было. Как и договаривались, майор Игнатьев об этом разговоре ничего не знал. Хотя, честно говоря, я не понимал – к чему делать из этого тайну? Командование боится возможной утечки? Да, это нормально, вот только Игнатьев проверенный офицер на сто двадцать процентов – генерал это знал. Но все равно попросил меня об обратном.

Я ехал в метро и думал только о том, что не хочу врать супруге. Вот не хочу и все, изнутри все переворачивалось. Как я в глаза ей буду смотреть, сочиняя какую-то легенду? Она все равно все узнает или додумает сама. Ее женская проницательность, порой, просто поражала.

Да, безусловно, слегка исказить правду я, конечно, мог, чтобы снизить общий градус негатива из-за не самой приятной новости. Особенно после моего тяжелейшего ранения прошлым летом. Лена его перенесла даже хуже, чем я сам. Но нужно ли мне что-то исказить? Лучше уж донести все, как есть. Тем более, я и впрямь еду в командировку не как оперативник, а как кабинетный сотрудник.

Лена сидела на мягком, недавно купленном диване, при

свете настольной лампы. Читала журнал «Огонек», пила чай. На её лице была мягкая сосредоточенность, та самая, когда мозг вроде бы чем-то занят, а мысли все равно свободно бродят где-то еще. Возможно, о детской, о переезде, о будущем спокойствии.

– Солнце, я уже дома!

– Так рано? Это хорошо...

Едва я вошел в комнату, едва увидел ее, как весь мой план бесед, что я накидывал в голове, поплыл. Без слов, по одному лишь взгляду, она всё поняла. Щёки её побледнели.

– Максим? – её голос был тише обычного. – Что случилось?

– Командировка, – вздохнув, произнес я, буквально выдавливая из себя эти слова. – Не переживай, это не такая командировка, как раньше. Не Афганистан, не Сирия. И вообще не Азия.

Она молча закрыла журнал, положила его на колени, не отрывая от меня глаз. В них уже плескалось то самое «нет», которое я боялся увидеть.

– О боже, опять? Куда на этот раз? – спросила она одним только движением губ.

– В Европу. Португалия. Аналитика, не оперативная работа.

Повисла тишина. За окном завыл ветер, гоняя по карнизам остатки сухих листьев.

– Надолго? – наконец выдохнула она.

– Две недели. Не больше. По крайней мере, мне так сказали.

– Сказали... – беззвучно повторила она, и в этом эхо был горький скепсис. – А что там делать-то будешь, Максим? Опять... стрелять? Скрываться? Ждать пули в спину? Куда тебя отправляют, опять захватить какого-нибудь предателя? Как тогда, летом?

Я резко встал, сделал шаг к окну, чтобы не видеть её глаз.

– Нет. Ничего такого. Я сам категорически против того, чтобы вновь браться за старую работу. Хватило прошлого раза. Моя задача – анализировать. Наблюдать. Именно этим я и буду заниматься, как советник. Только голова. Никаких рук, никакого оружия. Хорев в курсе нашей ситуации, лично меня заверил в том, что мне ничего не угрожает. Группа большая, у меня отдельная роль.

Я услышал, как за моей спиной скрипнул стул. Она подошла вплотную, но не притронулась ко мне.

– Почему ты? – её шёпот был горячим и колючим, как пар от дыхания на морозе. – Почему всегда ты? У них что, других аналитиков нет? Или они специально выбирают того, у кого дома беременная жена, чтобы лучше держался, чтобы было ради чего возвращаться? Это же бесчеловечно, Максим! Цинично! Впрочем, чего это я? С отцом так всю жизнь поступали, а он каждый раз, сколько я себя помню, говорил, что это в последний раз.

Я обернулся. Слёзы так и не потекли по её щекам, они

стояли в её глазах, делая их огромными и бездонными, как ночное небо над афганскими горами.

– Другой не замотивирован так, как я. А все потому, что это Калугин, Лена, – сказал я, и мой собственный голос прозвучал чужим и плоским, как дикторский текст. – Тот самый. Он там, в Португалии. Живёт припеваючи, а ниточки от него тянутся сюда. И если его не оборвать сейчас, риск будет всегда. Это он стоит за убийством Горбачева, за тем, что на нашей с тобой свадьбе был риск, что его люди устроят какую-нибудь гадость. Я стоял за тем, что его разоблачили и теперь он в бегах. Он знает меня. Помнит. Это тот самый последний враг, которого нельзя оставлять живым. Слишком много вреда он уже причинил, а сколько его еще будет, одному богу известно. Последняя тень. После этого задания, я уверен, меня оставят в покое!

– В покое! – она горько рассмеялась, коротко и беззвучно. – Да они никогда не оставят в покое таких, как ты! Ты им нужен, пока жив и пока хорошо делаешь свою работу. А когда перестанешь – выбросят, как стреляную гильзу. Как моего отца после Афганистана выбросили! Ты же сам это видел!

– Да, – тихо согласился я, посмотрев на нее решительным взглядом. – Но плыть против течения сейчас – бессмысленно. Это система. Сам в ней утону и тебя, и... – мой взгляд невольно упал на её едва заметный, ещё только угадывающийся животик. – У меня нет выбора, Лен. Только его иллюзия. Хорев отрицательного ответа от меня не примет, его

самого заставили. Приказ уже подписан. Все, что я могу – это либо пойти и сделать всё чисто, осторожно и по-умному, и поскорее вернуться к тебе. Либо... либо они найдут способ надавить и заставить. А потом я вернусь с чувством, что подвёл своих, что оставил дыру, в которую потом полезут другие. И Калугин останется. Как постоянная угроза.

Она отступила на шаг, обхватив себя руками, будто ей стало холодно.

– Хорошо. Я понимаю. Но... обещай, – прошептала она. – Обещай, что не будешь участвовать, не будешь держать в руках оружие. Только думать, только анализировать. Пусть стреляют другие, ты уже достаточно сделал. Обещай, что не выйдешь на линию огня, что не возьмёшь в руки пистолет, даже если... обещай мне это, Максим. Не Хореву. Мне.

Я подошёл, взял её холодные руки в свои. Они дрожали.

– Обещаю. Только анализ. Только глаза и уши. Я вернусь целым. Две недели.

Она долго смотрела на наши сплетённые пальцы, потом медленно прижалась ко мне. Тихо вздохнула.

– Ладно. Ладно... но возвращайся быстрее. Слышишь? Не задерживайся там ни на час. А я... я, наверное, съезжу к твоей маме. В Батайск. Отвезу ей того варенья, что сама сварила. Побуду с ней эти пару недель, чтобы не скучать. А то чего мне тут одной в четырех стенах сидеть?

Идея хорошая, но со своими подводными камнями. Дело в том, что мы моей матери пока еще не сообщили о том,

что ждем пополнение. Не умышленно, просто так само собой получилось. Я хотел, чтобы мы вместе приехали на ее день рождения, а заодно и новость сообщили.

– Нет, солнце, – сказал я чуть твёрже, чем планировал. – Так нельзя. Ты хочешь ей сама новость сообщить? Без меня? Ну и какая будет ее реакция, как думаешь? К тому же дороги, пересадки, толкотня на вокзалах... Сейчас не время, учитывая, что на юге сейчас дачники активизировались – грабли, саженцы там... Поезжай лучше к своему отцу. В Ставрополь. Воздух там куда лучше и чище. К тому же, кто за тобой присмотрит не хуже, чем я сам? Он же прапорщик, половина жизни в армии. Дисциплина у него в крови. Не даст скучать, а главное, будет очень рад. А то он там скоро мхом покроется.

Сначала она хотела возразить – я видел, как шевельнулись её губы, но потом снова кивнула, согласившись. Эта идея ей понравилась больше.

– К отцу, так к отцу. Но ты... если будет хоть малейшая возможность. Хоть знак. Чтобы я знала, что ты...

– Сделаю все, что от меня будет зависеть и даже больше, – перебил я, целуя её в макушку, вдыхая приятный запах яблочного шампуня и домашнего тепла. – Только с женой Игнатьева мою командировку не обсуждай, он сам еще не в курсе. Хорев и его руководство боятся утечки информации раньше времени. Странно, конечно, учитывая, что Кэп – человек слова. Если уж бояться утечки, так нужно было все про-

водить в условиях строгой конфиденциальности, а я почти что уверен, уже достаточно лиц в курсе того, что планирует-ся... Как бы Калугин не узнал обо всем раньше!

Отдельный учебный центр ГРУ на окраине столицы встретил меня запахом сырой штукатурки, краски и старого дерева. Это было неказистое двухэтажное здание где-то в глуши, за высоким бетонным забором с колючей проволокой сверху. Меня встретили на КПП, проверили документы, а затем проводили в отдельный корпус. Там пришлось подождать, после чего помощник дежурного сопроводил меня на цокольный этаж, где располагался большой, но плохо освещённый класс. Там уже собралась собранная для задания оперативная группа.

Первым поднял на меня глаза мужик возрастом под сорок лет, крепкий, как гранитная плита, с лицом, которое, казалось, высекли из того же материала – грубые черты, тяжёлый подбородок и пара спокойных, не спеша оценивающих глаз. Шрам от пули, тонкой белой ниткой тянулся от виска к углу рта.

– Старший лейтенант Громов? Наконец-то! Присаживайся! – его голос был низким, хриловатым, без малейшего намёка на иронию. Просто констатация. – Давай знакомиться. Я командир группы, капитан Воронин. Собственно, я и есть

руки исполнения большинства операций.

Мы пожали друг другу руки. Я кивнул.

– Вон тот, за вторым столом, старший лейтенант Кирилл Бородкин. Наш связист и наблюдатель в одном флаконе. Обладает фотографической памятью, но предпочитает молчать.

Тот сидел прямо, как аршин проглотил. Высокий, сухой, с жилистыми руками и взглядом хищной птицы – ничего не упускал, всё фиксировал. Кивнул мне коротко, без улыбки.

– Принял. Буду твои советы в жизнь воплощать.

Рядом с ним ерзал на стуле лейтенант Андрей Михеев. Широкоплечий, с открытым лицом и добрыми, как у кота Леопольда глазами, он больше походил на тракториста, чем на разведчика. Но когда он пожал мне руку, я почувствовал стальную хватку и увидел в его взгляде острый, цепкий ум, искусно скрытый под маской.

– Андрей... – негромко произнес он. – Я по тихому входу-выходу. Зайти куда незаметно, замок вскрыть, что-нибудь сломать, в том числе и ребра – это ко мне. Работаем в паре с командиром.

В углу, заваленный схемами и паяльником, сидел капитан Зиновьев. Павел, наш технарь и электроник. Второй связист по совместительству.

Худой, в очках с толстенными линзами, он что-то бормотал себе под нос, скручивая провода. На моё приветствие он лишь взглянул поверх очков, кивнул и снова переключился

на паяльные дела.

– Не обращай внимания, – тихо сказал Воронин. – Он всегда такой. Зато из говна и палок, мотка синей изолянтной ленты и батарейки связь с Москвой обеспечит. И жучка вмонтирует, куда скажешь.

– Ну, собственно, вот и познакомились. Про себя можешь не рассказывать, уже наслышаны, кто ты такой.

Я молча кивнул. Раз наслышаны, пусть так и будет. Скорее всего, Хорев подсунил фиктивное личное дело, обрисовав меня там как типичного кабинетного аналитика, который по выходным ходит в стрелковый тир и бьет боксерскую грушу.

Следующие дни слились в череду изматывающих, монотонных действий. Утренние часы – стрельбище в подвальном тире. Звук выстрелов, резкий запах пороха, мишени с аккуратными отверстиями в «десятке». Я стрелял ровно, без срыва, но и без азарта. Пистолет был холодным инструментом, не более.

Я сдерживал обещание, данное Лене, даже здесь, на тренировке.

После обеда – карты. Карты Португалии, карты Назаре, крупномасштабные планы городка, снятые, должно быть, со спутника. Я изучал каждую улочку, каждый возможный маршрут подхода и отхода, рассчитывал время, отмечал точки наблюдения. Потом шли занятия по тактике: отработка действий в случае срыва, признаки слежки, правила конспи-

рации в чужой стране. Я проглатывал отчёты резидентуры о Калугине: его распорядок, его привычки, состав охраны – двое телохранителей из местных португальцев, двое бывших военных, которых он перетянул из Союза. Выискивал слабые места, «окна», где человек наиболее уязвим.

Назаре – маленький рыбацкий городок на краю Португалии, на побережье Атлантики. Белые домики, карабкающиеся по крутому обрыву, широкая песчаная дуга пляжа, бесконечный рокот океана. Идиллия, которую облюбовал себе военный преступник. Нам говорили, что он осторожен. Но так как время шло, а за ним никто не приходил, тот чуть уменьшил свой штат охраны, с шести до четырех человек.

За день до отлёта нас собрали в кабинете начальника центра. Кроме уже знакомого, уставшего вида Хорева, за столом сидел незнакомый полковник с бесцветными, как мутное стекло, глазами и квадратной, тяжёлой челюстью – куратор от ГРУ. Его фамилия была Грошев. Еще в кабинете был гражданский, но его нам не представили. Скорее всего, кто-то из Комитета, как консультант.

Атмосфера была как перед боем – тяжелая, мрачная и напряженная.

– По порядку, – начал Грошев, не глядя ни на кого, перелистывая папку. – Операция «Эхо». Цель – физическая нейтрализация объекта «Кедр», он же бывший генерал-майор КГБ Калугин. Место – Назаре, Португалия. Метод – бесшумный, без следов, под видом несчастного случая или есте-

ственной смерти. Никакого политического шума. По легенде, вы группа туристов из ГДР, обучающихся серфингу. Легенды отработаны, документы готовы. Вылет рейсом Москва – Берлин, завтра, в шесть сорок утра. Далее – транзит через Париж, рейс в Лиссабон. На месте вас встретит резидент Маяк. Все детали, уточнения и деньги получите у него. Вопросы?

Вопросов не было. Было только холодное, тошнотворное чувство на дне желудка, знакомое каждому, кто хоть раз шел на задание, из которого мог не вернуться.

Хорев, до этого молчавший, тяжело поднялся.

– Громов, ко мне на минутку.

Мы вышли в коридор. Он обернулся, и в его глазах я увидел не командующего генерала, а усталого, измотанного человека, который отправляет на плохое задание своего лучшего бойца.

– Помни, что говорил. Ты там – мозг. Не мускул. Зиновьев будет держать связь. Каждые двенадцать часов – контрольный сигнал. Если пропустите два подряд... – он не договорил, махнув рукой. – И ради всего святого, смотри в оба. Калугин – это старый, хитрый лис. Если он гладит кошку, значит, ему нужно руку вытереть, а не потому, что животное понравилось. И у него друзей больше, чем мы знаем. Будь готов к тому, что все пойдет наперекосяк. Сам – не геройствуй.

– Понял, – хрипло сказал я.

– В общем, желаю вам удачи. А в особенности – тебе лично! – он неуклюже похлопал меня по плечу и быстро ушёл, не оглядываясь.

Путь был долгим и выматывающим. Шереметьево, толчея, нервная проверка фальшивых паспортов. Самолёт до Берлина, где мы растворились среди шумных немецких туристов. Затем беготня по парижскому Шарлю де Голлю, вечный запах кофе и сигарет, и наконец – самолёт до Лиссабона. Когда колёса ударились о посадочную полосу, я почувствовал, как в груди что-то сжимается в твёрдый, ледяной комок.

В аэропорту нас, потрёпанных и молчаливых, уже ждал Маяк – немолодой, сидящий мужчина в легком спортивном костюме и с дорогими солнцезащитными очками. Он представился Антониу, гидом. Рукопожатие было крепким и быстрым. Мы молча погрузились в потрёпанный микроавтобус «Фольксваген».

Дорога на север, к океану, заняла больше двух часов. Я смотрел в окно на проплывающие мимо рыжие от засухи холмы, серебристые оливковые рощи, ослепительно-белые деревушки. Красота была просто ошеломительной, но одновременно неприступной и чужой.

Когда микроавтобус свернул на узкую, круто взбирающуюся в гору улицу, и остановился на пустынной смотровой площадке над океаном, «Маяк» выключил двигатель. Шум ветра и далекий рёв волн ворвались внутрь. Он обернулся к нам, и на его обычно невозмутимом лице я увидел трещину

– тонкую, но заметную.

– Есть небольшая проблема, – сказал он по-русски, его акцент стал заметнее. – Уж сами решайте, серьезная или нет.

Воронин насторожился, его спина выпрямилась.

– В чём дело?

– «Кедр» три дня назад резко сменил график. Перестал выходить на утренние прогулки. У дома появились двое новых людей – выглядят как местные, но движения, манера... профессионалы. Совсем не те португальцы, что ранее топтались у входа.

– Охрану сменил, – мрачно констатировал Бородкин. – Пронюхал что-то.

– Это ещё не всё, – Маяк помялся, затем достал из внутреннего кармана плаща маленький конверт и протянул Воронину. – Вчера вечером. К нему приезжал гость. Кто такой – не знаю, никакой информации по нему раздобыть не удалось.

Воронин вынул фотографию. Она была черно-белой, чуть смазанной, сделанной, видимо, с большого расстояния и при плохом свете. Но фигура мужчины, выходящего из виллы Калугина, была узнаваема. Высокий, подтянутый, в отлично сидящем тёмном костюме. Светлые, зачёсанные назад волосы. Орлиный профиль.

Майор медленно, будто в замедленной съёмке, передал фотографию мне.

– Знакомое лицо? – тихо спросил он.

Мир сузился до размеров этого бумажного прямоугольника. Кровь отхлынула от лица, в ушах зазвенело. Я узнал его мгновенно. Это был тот, чьё внезапное исчезновение в «ленинградскую командировку» положило начало всем нашим подозрениям. Тот, чей кабинет на Лубянке мы с Хоревым нашли пустым.

Полковник Якушев. Бывший заместитель начальника, уже не помню какого отдела в КГБ. Я видел его фото на доске почета, когда мы с Хоревым выходили из управления. Человек, который имел доступ ко многим деталям расследования покушения на Горбачева.

Теперь он был здесь. В гостях чуть ли не у главного врага государства.

Холодный пот выступил у меня на спине. Я знал, что ниточки тянулись не просто на Запад. Знал, что они как-то петляли и внутри нашей собственной системы, уходя в самые тёмные, самые защищённые её коридоры. Не знаю, знал ли Якушев о готовящейся операции... но если знал, то дело по ликвидации Калугина только что превратилась во что-то бесконечно более опасное. Мы приехали охотиться на лиса, но сами, возможно, уже попали в капкан, расставленный своими же.

– Черт возьми, знаю! – выдохнул я, возвращая фотографию.

Воронин посмотрел на меня, и в его каменных глазах вспыхнуло то же леденящее понимание.

– Значит, так, – его голос стал тихим. – План меняется. И вот что я предлагаю...

Глава 6. «Удар» и «Провокация»

Неторопливо убрав фотографию в конверт, он тяжело вздохнул. В салоне микроавтобуса повисла тишина, нарушаемая лишь свистом португальского ветра.

– Значит, так, – нарушил затянувшееся молчание Воронин, и в его голосе прозвучала стальная решимость. – План А однозначно отменяется. «Кедр» теперь не просто цель – он приманка в мышеловке. Для нас. Вернее, мы практически уже в ней. Теперь работаем по новым правилам: полное радиомолчание, кроме экстренных сигналов в штаб и то, только через второстепенных лиц. С этого момента мы – пять немецких идиотов, помешанных на серфинге. Но только для вида. Опыта в этом виде спорта у нас пока нет, вот и будем его получать, одновременно скрытно наблюдая за его виллой со стороны пляжа. Но это лишь ширма, главное – слежка. Никаких контактов с резидентурой без моего приказа. Маяк, вы обеспечиваете нам только крышу и транспорт. Всё остальное – на нас.

Маяк, он же Антониу, молча кивнул. В его глазах читалось облегчение – он сделал, что должен, и теперь мог плавно отойти в тень.

– Бородкин, – Воронин повернулся к связисту, – с завтрашнего утра начинаем пассивное наблюдение. Твоя задача – зафиксировать все перемещения, всех гостей, весь ре-

жим Калугина. Используй только оптику, никакой электроники на ближней дистанции. Каждые шесть часов – сводка. Собираешь, обобщаешь и все передаешь Громову.

– Понял, – сухо отозвался Кирилл, уже извлекая из рюкзака комплект дальномеров и объектив с телелинзой.

– Михеев, ты со мной. Изучаем периметр, ищем слабые точки в обороне, оцениваем местных. Громов, – его взгляд упал на меня, – ты анализируешь все, что мы тебе принесем. Сопоставляй с имеющимися данными. Ищи нестыковки, закономерности, просчитывай вероятности. Зиновьев – готовь запасные каналы связи и «жучки» на случай, если удастся внедриться. Но только по моей команде. Пока что все действия – на удалении. Повторюсь... – голос Воронина стал тише, но в нём появилась новая, скрытая сталь. – Если он сменил охрану и пригласил в гости Якушева, значит, либо чувствует угрозу и получает информацию относительно нас, либо просто перестраховывается. А потому мы делаем вид, что угрозы больше нет. Только наблюдение. Только анализ.

План, который он обозначил, был не про дерзость и грубую силу, а про терпение и психологию. Негласно называли его «Тень». Суть была в том, чтобы не атаковать, а раствориться у него под боком, создав ложное ощущение безопасности, а затем нанести удар в момент, когда его бдительность будет притуплена. Но для этого нужно было заставить его поверить, что опасность миновала. Соответственно, и сроки операции увеличивались.

Мы предприняли все возможные меры, чтобы нас не обнаружили. Никогда на открытом месте не собирались всей группой. Не пользовались телефонами. Транспортom. Постоянно меняли внешность. Каждый раз иные привычки и манера поведения. Увлеченность серфингом незаметно, сама собой отошла на задний план.

Первые пять дней мы вообще не приближались к вилле.

Работали на расстоянии, через посредников и технику. Зиновьев, наш технарь, совершил почти невозможное. Используя переделанную под местные стандарты аппаратуру и пару «случайно» подобранных на свалке телевизоров, он собрал портативный глушитель полей. Не для связи – его возможности были скромнее. Он создавал помехи в эфире на конкретной, очень узкой частоте – той, на которой, как мы предполагали, работали датчики движения периметра виллы. Не чтобы отключить их, а чтобы вызвать кратковременные, хаотичные сбои: датчик срабатывает, потом замолкает, потом снова срабатывает. Эффект «мигающей лампочки», который сводит с ума службу безопасности и постепенно приучает их к неисправностям.

Да, мы знали, что такой матерый волк, как Калугин, подстраховался не только живой силой и оружием, но и специальной техникой видеонаблюдения. Это же говорило о том, что с деньгами у него проблем нет. А еще, его кто-то покрывал и обеспечивал защитой кто-то опытный, при этом тесно связанный ЦРУ. Многое – это специальные разработки, их

нельзя купить.

Параллельно Бородкин, используя свои связи в порту и среди рыбаков, запустил слух. Не про шпионов, а про налоговиков. Будто бы богатый иностранец в белом доме на скале уклоняется от уплаты местных налогов, прячет деньги, и скоро на него обрушится проверка. Слух был тихим, неуловимым, но он начал циркулировать. Мы видели, как квилле стали изредка наведываться местные полицейские в штатском – просто поговорить. Калугин, конечно же, отмазывался взятками, но раздражение и отвлечение внимания его охраны на «местные проблемы» было нам на руку.

Я сводил воедино все данные: когда приезжал полицейский экипаж, в какое время происходили сбои датчиков, которые мы вызывали искусственно и с разной периодичностью, когда Калугин выходил на балкон, чтобы покурить. Я искал новый ритм, новую рутину, которая должна была установиться, когда первая волна паранойи схлынет.

Это было непросто – мне пришлось быстро и грамотно, без права на ошибку, переключаться на новый ритм. Работать так, как ранее я не работал. И тем не менее втянулся я достаточно быстро.

Якушев на несколько дней куда-то пропал. У бывшего чекиста вообще больше не было гостей.

И наконец, через одиннадцать дней Калугин, судя по наблюдениям, снова стал выходить на утренние прогулки по своему саду, правда, всегда с двумя охранниками вместо од-

ного. Он больше не ездил в кафе, но зато теперь мы заметили, что каждые три дня его возили в частную клинику в Лейрии. Причём маршрут изменился, стал более длинный, но проходивший через прямой участок лесистой дороги – безлюдной и тёмной по вечерам. Это было новое «окно». Более рискованное, но и более предсказуемое.

План, с учетом моих рекомендаций, мы разработали достаточно быстро. Я предложил разделить его на две составляющих.

Первый удар – «Провокация» – решили нанести точно, чтобы проверить реакцию и окончательно усыпить бдительность. Михееву, нашему мастеру «тихого входа», была поставлена задача – не проникнуть в дом, а подбросить. Возле одного из мусорных контейнеров на окраине владений Калугина, куда вывозили бытовые отходы, он должен был оставить «случайно» оброненный предмет: потрёпанный блокнот с несколькими записями на русском, абсолютно бессмысленными, но с парой намёков на: «смена плана», «ожидание инструкций», и старый, нерабочий радиопередатчик советского производства. Идея была в том, чтобы охрана нашла это, встревожилась, провела плавный обыск окрестностей, но не нашла ничего, кроме этой грубой подделки. Чтобы у Калугина сложилось впечатление, что его пытаются запугать дилетанты или конкуренты, а не когда-то бывшая родной государственная машина.

Михеев выполнил задачу безупречно. Блокнот и пере-

датчик «обронил» в сумерках, имитируя пьяного туриста. На следующий день у виллы заметили повышенную активность: охрана с собаками обыскала периметр. Как мы и планировали, через два дня всё вроде бы успокоилось. По данным Бородинки, который коварно подкупил одного из работников клининга, Калугин даже посмеялся над «дешёвой провокацией». Его бдительность, как мы и надеялись, после этой вспышки и последующего «ничего» слегка притупилась. Охрана стала действовать более рутинно.

Тогда Воронин дал добро на запуск второй части плана. Его называли «Удар».

Задумка была сложной и требовала идеальной синхронизации. В пятницу, когда старый «мерседес» Калугина неторопливо возвращался из Лейрии по лесной дороге, мы должны были создать искусственную аварию впереди него. Не его машины, а другой. Бородинкин, сидя за рулём старого, выдавшего вида «фиата», должен был на узком повороте как бы потерять управление и мягко врезаться в откос, перегородив часть дороги. Никто не пострадает.

Суэта, вызов полиции, разборки. Охрана Калугина будет вынуждена остановиться, выйти, оценить обстановку. В этот момент, из леса, с расстояния в семьдесят метров, Воронин произведёт выстрел из специальной винтовки ВСС «Винторез», которую нам с невероятным трудом доставили по каналам ГРУ. Оружие было практически бесшумным, а пуля – специальной, предназначенной для поражения живой силы

через броню. Расчёт был на то, что выстрел сольётся с общим шумом происшествия, а пуля пройдёт через стекло и поразит цель. После этого Бородин, как расстроенный водитель, будет демонстративно отвлекать внимание, пока остальная группа уносит ноги.

Всё было готово. План казался вполне себе выполнимым. Мы провели три репетиции на похожей местности, одну прямо на месте. Я просчитал временные интервалы, учитывал скорость ветра с океана, влажность, и возможные помехи.

Роковая пятница настала. Ночь была безлунной, тёмной. Мы заняли позиции, прихватив все наше техническое имущество. Работали втроем. Двое ждали в штаб-квартире. Я с пультом для экстренного глушения радиосвязи находился в засаде в сотне метров позади остальных, наблюдая в бинокль. Бородин на своём «фиате» ждал сигнала у поворота. Воронин, замаскировавшись в густых кустах на склоне, сообщил о готовности.

В наушниках было тихо, только лёгкий шум эфира. Я ощутил, как моя верная чуйка слегка шевельнулась, но как-то вяло.

Кортеж появился точно по графику, минута в минуту. Два автомобиля – впереди «мерседес» Калугина, сзади – старый джип «тойота» с охраной. Они двигались не спеша.

– Объект в зоне, – тихо доложил я.

– Вижу. Бородин, твой выход! – отозвался Воронин.

– Принял. Начали.

Получив команду, тот начал манёвр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.